

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

ЭЛИС ФИНИ

КАМЕНЬ, НОЖНИЦЫ, БУМАГА

Десять лет брака.
Десять лет тайн.
Годовщина, которую
невозможно забыть.

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

Элис Фини
Камень, ножницы, бумага
Серия «Новый мировой триллер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68619801

Камень, ножницы, бумага:

ISBN 978-5-17-152539-2

Аннотация

Познакомьтесь с мистером и миссис Райт – парой, чьи отношения уже давно разладились.

Адам – сценарист, одержимый идеей писать сценарии по криминальным романам обожаемого автора, Генри Уинтера. Амелия, его жена, чувствует, что на фоне любимого писателя постоянно проигрывает. И вишенка на торте – Адам всю жизнь страдает лицевой слепотой и не может узнавать самых близких людей, включая жену. Легко ли жить с таким человеком? Но Амелия отчаянно желает снова сблизиться с мужем.

И вот прекрасный повод, случайный выигрыш – путешествие в Шотландию на двоих. Поездка, идеально приуроченная к годовщине свадьбы. Может быть это именно то, что нужно, чтобы возродить брак? Но стоит паре приехать на отдых, как события быстро принимают зловещий оборот.

Теперь вопрос стоит не в том, продержится ли их брак еще год, а в том, доживут ли они сами до следующей годовщины.

Содержание

Амелия	5
Адам	19
Октябрь 2007 года	31
Адам	39
Амелия	45
28 февраля 2009 года – наша первая годовщина	52
Амелия	64
Адам	67
28 февраля 2010 года – наша вторая годовщина	73
Амелия	79
Адам	83
28 февраля 2011 года – наша третья годовщина	88
Амелия	97
Робин	100
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Элис Фини

Камень, ножницы, бумага

© Alice Feeney, 2021

© Клемешов А.А., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Моему Дэниэлу, конечно же.

Амелия

Февраль 2020 года

Мой муж не узнаёт меня в лицо.

Сидя за рулем, чувствуя его взгляд, я размышляю, что же он видит? Если учесть, что ему вообще никто не кажется знакомым. Тем не менее, странно думать, что мужчина, за которого я вышла, не смог бы узнать меня на полицейском опознании.

Даже не глядя, я убеждена в том, какое сейчас выражение на его лице – угрюмая, раздраженная версия «я же тебе говорил», – посему просто концентрируюсь на дороге. К тому же это необходимо, поскольку снегопад становится все сильнее. Такое ощущение, что мы движемся в белой мгле, и дворники на моем «Моррис Минор» справляются с трудом. Машина, как и я, появилась на свет в 1978 году. Если хорошо заботиться о вещах, они прослужат вам всю жизнь, но существует подозрение, что, вероятно, моему мужу захочется обменять нас обеих на более молодые модели.

С тех пор, как мы уехали из дома, Адам сто раз проверил свой ремень безопасности, а в данную минуту его ладони, лежащие на коленях, сжаты в кулаки. Поездка из Лондона в Шотландию должна была занять не более восьми часов, но в такую бурю я не осмеливаюсь ехать быстрее. Даже несмотря на то, что начинает темнеть и опасность заблудиться сре-

ди множества дорожных развилок возрастает.

Могут ли выходные вдали от дома спасти брак? Вот какой вопрос задал мой муж, когда психолог предложила это попробовать. По мере того, как его слова крутятся в моей голове, сам собой возникает новый список сожалений. Мне очень грустно от того, что мы потратили впустую большую часть жизни, не прожив ее должным образом. Мы не всегда были такими, как сейчас, но наши воспоминания о прошлом могут сделать из нас лжецов. Вот почему я сосредоточена на будущем. Своем. Порой я все еще представляю в нем мужа, хотя бывают моменты, когда задумываюсь: каково это – снова оказаться одной. Я этого не хочу, и, тем не менее, иногда не могу отделаться от мысли: а вдруг так будет лучше для нас обоих. Время способно изменить отношения, как море меняет форму камней.

Увидев прогноз погоды, муж принялся настаивать, что мы должны отложить поездку, но я воспротивилась. Мы оба знаем, что эти выходные – последний шанс все исправить. Или по крайней мере попытаться. *Это* он признаёт.

Он, увы, не признаёт меня, но в этом нет его вины.

У Адама неврологический сбой, называемый прозопагнозией, означающий, что он не способен видеть отличительные черты на лицах, включая свое собственное. Он не раз проходил мимо меня на улице, словно я незнакомка. Социальная проблема, которую это неизбежно вызывает, затрагивает нас обоих. На вечеринке Адам может быть окружен друзья-

ми и все равно чувствовать, что не знает ни одного человека в комнате. Поэтому мы проводим много времени в одиночестве. Вместе, но порознь. Только мы. Слепота на лица – не единственная причина, по которой мой муж заставляет меня чувствовать себя невидимой. Он не захотел детей – всегда твердил, что ему невыносима мысль о том, что он не увидит их лиц. Он жил с этим заболеванием всю свою жизнь, а я – с тех пор, как мы встретились. Но иногда проклятие может быть благословением.

Мой муж не способен идентифицировать мои черты, однако есть другие способы, с помощью которых он научился узнавать меня: запах моих духов, звук моего голоса, ощущение моей руки в своей, пока он еще держал ее.

Браки не рушатся сами, это делают люди.

Я уже не та женщина, в которую он влюбился много лет назад. Интересно, может ли он определить, насколько старше я выгляжу сейчас? Замечает ли проседь в моих длинных светлых волосах? Сорок лет – это, возможно, и новые тридцать, но моя кожа покрыта морщинами, которые вызваны отнюдь не улыбками. Раньше у нас было так много общего, нас связывала не только постель, мы делились своими секретами и мечтами. Мы все еще заканчиваем фразы друг за другом, но теперь понимаем их неправильно.

– У меня такое чувство, что мы ездим по кругу, – бормочет он себе под нос, и одно короткое мгновение я сомневаюсь, что он имеет в виду: наш брак или мои навигацион-

ные навыки. Зловеще-синее небо, кажется, отражает его настроение: он заговорил впервые за несколько миль. Дорога впереди занесена снегом, ветер усиливается, но это ничто по сравнению с бурей, назревающей внутри машины.

– Не мог бы ты просто найти инструкции, которые я распечатала, и прочитать их еще раз? – произношу я, безуспешно пытаюсь скрыть раздражение в голосе. – Я уверена, что мы должны быть близко.

В отличие от меня, мой муж постарел невероятно красиво. Его сорок с лишним умело маскируются стильной стрижкой, загорелой кожей и телом, сформированным в результате чрезмерного увлечения полумарафонами. Он всегда отлично умел бегать, особенно от реальности.

Адам сценарист. Он начинал значительно ниже самой нижней ступеньки голливудской карьерной лестницы, не вполне способный взобраться по ней самостоятельно. Он всем рассказывает, что сразу после школы пошел в кинобизнес, хотя это неприкрытая ложь. В шестнадцать он устроился работать в кинотеатр «Электрик Синема» в Ноттинг-Хилл, где продавал закуски и билеты. К тому времени, когда ему исполнился двадцать один год, он продал права на свой первый сценарий. «Камень-ножницы-бумага» так и не вышел за рамки разработки, но в процессе сделки Адам приобрел агента, и тот нашел ему работу: написание адаптации романа. Та книга не была бестселлером, а вот ее экранизация – малобюджетная британская попытка – получила премию

*Bafta*¹, и родился писатель. Конечно, не то же самое, что видеть собственных персонажей, оживающих на экране (дороги к нашим мечтам редко бывают прямыми), однако это означало, что Адам мог перестать продавать попкорн и наконец позволить себе писать полный рабочий день.

Сценаристы, как правило, не бывают знамениты, поэтому большинство зрителей могут не знать его, но я готова поспорить на деньги, что они видели хотя бы один из фильмов, снятых по сценарию моего мужа. Несмотря на наши проблемы, я откровенно горжусь всем, чего он достиг. Адам Райт заработал репутацию в этом бизнесе, потому что превращал неизвестные романы в блокбастеры, и он по-прежнему постоянно в поиске следующего. Я признаю, что порой испытываю ревность: думаю, это вполне естественно, учитывая количество ночей, когда он предпочитал брать в постель книгу. Мой муж не изменяет мне с другими женщинами или мужчинами, он заводит любовные отношения со своими историями.

Люди – странный и непредсказуемый вид. Я предпочитаю общество животных, и это одна из многих причин, почему я работаю в «Приюте для собак Баттерси». Четвероногие существа, как правило, становятся лучшими компаньонами, чем двуногие, собаки не держат зла и не умеют ненавидеть. Я бы не хотела останавливаться на других причинах, по которым я там работаю; иногда лучше не стирать пыль с наших

---

¹ Премия Британской академии кино- и телевизионных искусств.

воспоминаний.

Во время нашего путешествия за ветровым стеклом открываются постоянно меняющиеся эффектные пейзажи. Здесь деревья всех оттенков зелени, гигантские сверкающие озера, заснеженные горы и бесконечное количество идеального, нетронутого пространства. Я влюблена в Шотландское нагорье. Если и есть на Земле край прекраснее, то мне еще предстоит его найти. Мир здесь кажется намного больше, чем в Лондоне. Или, возможно, я кажусь меньше. Я нахожу покой в умиротворенной тишине и отдаленности этой местности: мы не видели ни души уже больше часа, что делает ее идеальной для претворения в жизнь моих планов.

Мы проезжаем вдоль бурного моря, плещущегося слева от нас, и направляемся дальше на север, под звуки разбивающихся волн, поющих нам серенаду. Когда извилистая дорога переходит в узкую полосу, небо, которое из голубого стало розовым, фиолетовым, а теперь и черным, отражается в каждом из частично замерзших озер, мимо которых мы движемся. Затем нас окружает лес. Древние сосны, припорошенные снегом и более высокие, чем наш дом, сгибаются штормом, точно спички. Снаружи машины точно призрак завывает ветер, постоянно пытаюсь сбить нас с курса, и, когда мы начинаем слегка скользить по обледенелой дороге, я сжимаю руль так сильно, что костяшки моих пальцев, кажется, выступают сквозь кожу. Мой взгляд падает на обручальное кольцо. Убедительное напоминание о том, что мы

все еще вместе, несмотря на массу причин, по которым нам, возможно, следовало бы расстаться. Ностальгия – опасный наркотик, но я наслаждаюсь им, стои́т счастливым воспоминаниям наполнить мой разум. Может быть, мы ошибаемся и не все еще потеряно. Я украдкой бросаю взгляд на мужчину, сидящего рядом со мной, и задумываюсь, способны ли мы, несмотря ни на что, найти дорогу обратно к нам прежним. Затем делаю то, чего давно не делала: тянусь, чтобы взять его за руку.

– Стой! – кричит он.

Все происходит слишком быстро. Впереди посреди дороги размытое, заснеженное очертание стоящего оленя, моя нога выжимает тормоз, машина виляет и крутится, прежде чем, наконец, замереть прямо перед огромными рогами животного. Сохатый дважды моргает, глядя на нас, потом, как ни в чем не бывало, спокойно уходит и исчезает в лесу. Даже деревья кажутся равнодушными.

Мое сердце бешено колотится в груди, пока я тянусь за сумочкой. Дрожащими пальцами нащупываю ключи, практически все остальное содержимое и только потом нахожу ингалятор. Встряхиваю его и делаю глубокий вдох.

– Ты в порядке? – спрашиваю я Адама, прежде чем сделать еще один.

– Я же говорил тебе, что это плохая идея, – бурчит он.

В течение этой поездки я уже столько раз прикусывала язык, что он, должно быть, напоминает решето.

– Не припоминаю, чтобы у тебя имелась идея получше, – огрызаюсь я.

– Восьмичасовая поездка на выходные...

– Мы целую вечность обсуждали, что было бы неплохо посетить Нагорье.

– Было бы неплохо побывать и на Луне, но я бы предпочел, чтобы мы оговорили это, прежде чем ты забронируешь нам билеты на ракету. Ты же знаешь, как я сейчас занят.

«Занят» стало ключевым словом в нашем браке. Адам носит свою занятость, как значок. Подобно бойскаутам. Он этим даже гордится, считая статусным символом успеха. Это заставляет его чувствовать себя важным, а мне хочется швырнуть ему в голову романы, которые он адаптирует.

– Мы там, где мы есть, потому что ты всегда слишком занят, – говорю я сквозь стиснутые, стучащие зубы. В машине сейчас так холодно, что я вижу пар от своего дыхания.

– Прошу прощения! Ты хочешь сказать, что мы в Шотландии по моей вине? В феврале? В разгар шторма? Это ведь была твоя идея. По крайней мере, мне не придется выслушивать твое непрекращающееся нытье, когда нас насмерть раздавит упавшим деревом или мы умрем от переохлаждения в этой дерьмовой машине, в которой ты так хотела попутешествовать.

Мы никогда не ссоримся на публике, только наедине. Мы оба довольно хорошо соблюдаем приличия, и я нахожу, что люди видят исключительно то, что хотят видеть. Но уже дол-

гое время за закрытыми дверями у мистера и миссис Райт что-то идет неправильно.

– Если бы у меня был телефон, мы бы уже прибыли на место, – бормочет он, роясь в бардачке в поисках своего любимого мобильного, и не может найти. Мой муж считает, что гаджеты и разные подобные вещицы – это решение всех жизненных проблем.

– Я спросила, взял ли ты все необходимое, прежде чем мы вышли из дома, – не сдаюсь я.

– Я и взял. Мой телефон был в бардачке.

– В таком случае он все еще должен быть там. Я не обязана собирать за тебя твои вещи. Я не твоя мать.

Я мгновенно жалею об этих словах, но но сказанного уже не воротишь... Мать Адама занимает первое место в длинном списке тем, которые он не любит обсуждать. Я терпеливо жду, пока муж продолжает искать свой мобильный, хотя знаю: он никогда его не найдет. Адам прав, он действительно положил его в бардачок. Но сегодня утром, перед тем как уехать, я достала его и спрятала в доме. В эти выходные я планирую преподать своему мужу важный урок, и для этого ему не потребуется телефон.

Пятнадцать минут спустя мы снова в пути и, похоже, намечается прогресс.

Адам шурится в темноте, изучая распечатанные мной инструкции. Все, что написано на бумаге (если только это не книга или рукопись), а не на экране, кажется, сбивает его с

толку.

– Тебе нужно повернуть направо на следующем перекрестке, – сообщает он увереннее, чем я ожидала.

Вскоре, чтобы разглядеть гористый снежный пейзаж впереди, нам приходится полагаться только на лунный свет. Уличных фонарей нет, а фары «Моррис Минор» едва освещают дорогу. Я замечаю, что у нас на исходе бензин, но уже почти час не вижу даже намека на место, где можно было бы заправиться. Метет безжалостно, и на многие мили вокруг не видно ничего, кроме темных очертаний гор и озер.

Когда мы наконец обнаруживаем старый, наполовину занесенный указатель на Блэкуотер, облегчение в машине становится ощутимым. Адам читает последний набор инструкций тоном, граничащим с энтузиазмом:

– «Пересеките мост. Когда будете проезжать скамейку с видом на озеро, поверните направо. Дорога вильнет вправо и вниз, ведя в долину. Если увидите паб, значит, вы заехали слишком далеко и пропустили поворот к отелю».

– Позже неплохо было бы поужинать в пабе, – предлагаю я.

Мы не издаем ни звука, когда вдали появляется «Блэкуотер Инн». Я сворачиваю, не доезжая до паба, тем не менее мы находимся достаточно близко от него, чтобы увидеть заколоченные окна. Призрачное строение выглядит так, будто давно заброшено.

Извилистая дорога, спускающаяся в долину, одновремен-

но захватывающая и пугающая. Она выглядит так, словно ее высекли из горы вручную. Полоса, по одной стороне которой виден крутой спуск без единого аварийного барьера, недостаточно широка даже для нашей маленькой машины.

– Мне кажется, я что-то разглядел, – произносит Адам, наклоняясь ближе к ветровому стеклу и всматриваясь в темноту.

Мне видно только черное небо и белое одеяло, укрывшее все вокруг.

– Где?

– Там. Сразу за деревьями.

Я немного замедляюсь, поскольку он указывает в никуда. Но потом замечаю что-то похожее на большое светлое здание, одиноко стоящее вдалеке.

– Это всего лишь церковь, – говорит он упавшим голосом.

– Вот именно! – восклицаю я, читая старую деревянную вывеску впереди. – «Часовня Блэкуотер» – это то, что мы ищем. Мы на месте!

– Мы проделали весь этот путь, чтобы остановиться в... старой церкви?

– В перестроенной часовне. И, кстати, машину вели не мы, а только один из нас.

Я сбавляю скорость и едва ползу по заснеженной грунтовке, которая ведет от однополосной дороги в долину. Мы проезжаем мимо крытого соломой крошечного коттеджа справа – единственного, кроме церкви, здания на многие мили во-

круг, – затем пересекаем небольшой мост и сразу же сталкиваемся со стадом овец. Жутковато освещенные нашими фарами, они сбиваются в кучу и преграждают нам путь. Я осторожно давлю на газ и пытаюсь распугать их автомобильным гудком, но они не двигаются. С глазами, светящимися в темноте, животные выглядят немного сверхъестественно. Затем я слышу рычание на заднем сиденье машины.

Боб – наш гигантский черный лабрадор – большую часть пути вел себя тихо. В его возрасте ему больше всего нравится спать и есть, но он боится овец. И перьев. Меня тоже пугают разные глупости – впрочем, я имею на это право. Рычание Боба никак не действует на стадо. Адам без предупреждения открывает дверцу машины, и внутрь сразу же врывается шквал снега, обдавая нас со всех сторон. Я смотрю, как он вылезает, прикрывая лицо, затем прогоняет животных, чтобы открыть ворота, которые они загоразживали. Не представляю, как Адам разглядел это в темноте.

Он забирается обратно в машину, не говоря ни слова, и я не спеша проделываю оставшуюся часть пути. Дорога проходит в опасной близости от края озера, и становится ясно, почему это место называется Блэкуотер. Подъезжая к старой белой часовне, я начинаю чувствовать себя лучше. Это было утомительное путешествие, но мы справились, и я убеждаю себя, что все будет хорошо, как только мы окажемся внутри.²

Выход наружу в пургу – это шок для нервной системы. Я

---

² В переводе с английского blackwater – черная вода.

закутываюсь в пальто, вот только ледяной ветер все еще выбивает воздух из легких, а снег летит прямо в лицо. Я выпускаю Боба из багажного отсека, и мы втроем плетемся по сугробам к большим деревянным дверям в готическом стиле. Перестроенная часовня поначалу представлялась романтической. Необычной и даже забавной. Теперь же, когда мы рядом, все немного напоминает премьеру нашего собственного фильма ужасов.

Двери часовни заперты.

– Владельцы упоминали что-нибудь о ящике для ключей? – интересуется Адам.

– Нет, они просто сказали, что будет открыто, – отвечаю я.

Я смотрю на внушительное светлое здание, прикрывая глаза от безжалостной снежной крупы, внимательно разглядывая белокаменные стены, колокольню и витражные окна. Боб опять принимается рычать, что для него не характерно, но, возможно, вдалеке снова появились овцы или другие животные. Что-то, чего мы с мужем просто не видим.

– Может быть, сзади есть еще одна дверь? – предполагает Адам.

– Надеюсь, ты прав. Машина уже занесена так, что, вероятно, ее придется откапывать.

Мы тащимся в обход часовни, Боб бежит впереди, натягивая поводок, будто выслеживает кого-то. Мы не находим ничего, только бесконечные витражи. И несмотря на то, что стены освещены наружными фонарями – теми, которые

мы увидели издалека, – внутри здания кромешная тьма. Мы продолжаем двигаться, наклонив головы, в попытке защититься от жуткой непогоды и делаем полный круг.

– Что теперь? – спрашиваю я.

Но Адам не отвечает.

Я поднимаю взгляд, прикрывая лицо от снега, и вижу, что он смотрит на фасад часовни. Огромные деревянные двери теперь широко распахнуты.

Адам

Если бы у каждой истории был счастливый конец, у нас не было бы причин начинать все сначала. Жизнь априори состоит из выбора и обучения тому, как собрать себя воедино, когда ты распадаешься на части. Чем мы все и занимаемся. Даже люди, которые притворяются, что это не так. То, что я не могу увидеть лицо своей жены, не означает, что я не знаю ее.

– Двери ведь были закрыты пару минут назад, верно? – спрашиваю я, но Амелия не отвечает.

Мы стоим бок о бок перед часовней, оба дрожим, вокруг метель. Даже Боб выглядит грустным – а он вообще-то всегда счастлив. Это было долгое и утомительное путешествие, усугубляемое постоянным барабанным боем головной боли в основании черепа. Прошлой ночью я выпил больше, чем следовало, с тем, с кем не должен был. Уже в который раз. В защиту алкоголя скажу, что я совершал подобные же глупости, будучи совершенно трезвым.

– Давай не будем делать поспешных выводов, – наконец произносит моя жена, но мне кажется, что мы оба уже сделали несколько таких.

– Двери не открываются сами по себе...

– Может быть, экономка услышала, как мы стучали? – перебивает она.

– Экономка? Напомни, на каком сайте ты бронировала это место?

– Это было не на сайте. Я выиграла выходные в рождественской лотерее для персонала.

Я не отвечаю несколько секунд, но молчание способно растягивать время так, что оно начинает казаться бесконечным. К тому же мое лицо сейчас жутко замерзло, и я не уверен, что могу пошевелить губами. Оказывается – могу.

– Просто чтобы я до конца понял... Ты выиграла в лотерее для персонала «Приюта для собак Баттерси» возможность провести выходные в старой шотландской церкви?

– Это часовня, но да. Что в этом плохого? Каждый год у нас проводится розыгрыш призов. Люди предоставляют подарки, я выиграла что-то хорошее для разнообразия.

– Отлично, – отвечаю я. – До сих пор все определенно было «хорошо».

Она знает, что я терпеть не могу длительные путешествия. Я ненавижу машины и езду на полной скорости, даже никогда не сдавал на права, так что восемь часов во время пурги быть запертым в ее антикварной жестянке на четырех колесах – совсем не мое представление о веселье. Я смотрю на пса в поисках моральной поддержки, однако Боб слишком увлечен попытками съесть снежинки, падающие с неба. Амелия, предчувствуя неудачу, использует тот пассивно-агрессивный певучий тон, который раньше меня забавлял. А теперь заставляет сожалеть, что я не глухой.

– Может мы зайдём внутрь? Извлечем из ситуации максимум пользы? Если все действительно плохо, то просто уедем, найдем отель или переночуем в машине, если придется.

Я скорее съем собственную печень, чем вернусь в ее машину.

Моя жена в последнее время твердит одно и то же, снова и снова, и ее слова всегда ощущаются как щипок или пощечина. «Я тебя не понимаю» раздражает меня больше всего, потому что тут и понимать нечего. Она любит животных больше, чем людей; я предпочитаю художественную литературу. Полагаю, что настоящие проблемы начались, когда мы стали предпочитать эти вещи друг другу. Такое ощущение, что условия и правила наших отношений либо уже забыты, либо вообще никогда не были должным образом прописаны. Это не значит, что я не был трудоголиком, когда мы впервые встретились. Или «писателеголиком», как она любит меня называть. Все люди – наркоманы, а все наркоманы хотят одного и того же: убежать от реальности. Просто моим любимым наркотиком оказалась работа.

«То же самое, но по-другому», – так говорю я себе, начиная новый сценарий. Именно этого, я думаю, хотят люди, и ни к чему менять ингредиенты формулы победы. С первых нескольких страниц рукописи я могу сказать, подойдет она для экрана или нет, – и это хорошо, потому что мне присылают их слишком много, и нет никакой возможности внимательно прочитать все. Но я не собираюсь заниматься этим

всю оставшуюся жизнь по той лишь причине, что я в этом хорош. У меня есть собственные истории, которые я могу рассказать. Правда, Голливуд больше не интересуется оригинальностью, они просто хотят превратить романы в фильмы или телешоу, как вино в воду. Разные, но, по сути, одинаковые. Применимо ли подобное правило к отношениям? Если в браке мы слишком долго играем одних и тех же персонажей, разве не станет неизбежностью, что нам наскучит история и мы сдадимся или отключимся, не дойдя до конца?

– Ну что? – спрашивает Амелия, прерывая мои мысли и глядя на колокольню на вершине жуткой часовни.

– Дамы вперед. – Не могу сказать, что я не джентльмен. – Я возьму сумки из машины, – добавляю я, стремясь урвать последние несколько секунд одиночества, прежде чем мы войдем внутрь.

Я трачу много времени, стараясь не обидеть людей: продюсеров, руководителей, актеров, агентов, авторов. Добавьте к этому слепоту на лица. И я думаю, никто не возразит, что я на уровне олимпийца, когда дело доходит до хождения по яичной скорлупе. Однажды я десять минут разговаривал с парой на свадьбе, прежде чем понял, что они жених и невеста. На ³ней не было традиционного платья, а он выглядел как клон своих многочисленных «друзей жениха». Но мне это сошло с рук, потому что очаровывать людей – часть моей

---

³ Английская идиома, означающая быть деликатным, осторожным, стараться не обидеть кого-либо.

работы. Уговорить автора доверить адаптацию своего романа может быть сложнее, чем убедить мать позволить незнакомому человеку присматривать за ее первенцем. Но у меня это хорошо получается. К сожалению, скорее всего, я научился очаровывать свою жену.

Я никогда не рассказываю людям о том, что у меня прозопагнозия. Во-первых, я не желаю, чтобы это определяло меня, и, честно говоря, как только кто-то узнаёт – это всё, о чем они жаждут поговорить. Я не нуждаюсь и не хочу жалости ни от кого, и мне не нравится, когда меня заставляют чувствовать себя уродом. Люди, похоже, не в состоянии понять, что для меня нормально не уметь распознавать лица. Это просто сбой в моей программе, который невозможно исправить. Я не утверждаю, что меня это устраивает. Что, если вы не смогли бы узнать своих собственных друзей или членов семьи? Или вспомнить, как выглядит лицо вашей жены? Я ненавижу встречаться с Амелией в ресторанах из-за боязни сестры не за тот столик. Я бы каждый раз выбирал еду на вынос, если бы это зависело от меня. Порой, смотрясь в зеркало, я не узнаю даже свое собственное лицо. Но я научился жить с этим. Как и все мы, когда жизнь раздает нам не совсем идеальные карты.

Думаю, я точно так же научился жить в далеко не идеальном браке. Но разве не все так делают? Я не пессимист, просто честен. Разве на самом деле не в компромиссе суть успешных отношений? Существуют ли вообще *идеальные*

браки?

Я люблю свою жену. Просто мне кажется, что мы нравимся друг другу не так сильно, как раньше.

– Это почти все, – говорю я, присоединяясь к ней на ступеньках часовни, нагруженный большим количеством сумок, чем нам может понадобиться на пару ночей. Она смотрит на мое плечо так, будто ее что-то оскорбило.

– Это твоя сумка для ноутбука? – цедит она, прекрасно зная ответ.

Я едва ли новичок в подобной ситуации, поэтому не могу, приняв наивный вид, как-то объяснить или извинить свою ошибку. Я мысленно представляю, как Амелия вытягивает карточку «Отправляйся в тюрьму». Это не очень хорошее начало. Мне не разрешат писать в эти выходные или пропустить ход. Если бы наш брак был игрой в «Монополию», моя жена брала бы с меня двойную плату всякий раз, когда я случайно оказывался бы в одном из ее отелей.⁴

– Ты обещал – *никакой* работы, – тянет она тем разочарованным, плаксивым тоном, который стал чересчур привычным. Моя работа оплачивала наш дом и наши отпуска; на это она никогда не жаловалась.

Когда я вспоминаю обо всем, что у нас есть – хороший дом в Лондоне, обеспеченная жизнь, деньги в банке, – всегда думаю об одном и том же: мы *должны быть* счастливы. Но все то, чего мы лишены, увидеть труднее. У большинства дру-

---

⁴ Карточка в игре «Монополия».

зей нашего возраста есть пожилые родители или маленькие дети, о которых нужно заботиться, а у нас есть только мы. Ни родителей, ни братьев и сестер, ни детей. Отсутствие людей, которых можно было бы любить, – это то, что нас всегда объединяло. Мой отец ушел, когда я был слишком мал, чтобы что-то помнить о нем, а мать умерла, когда я еще учился в школе. Детство моей жены напоминало детство Оливера Твиста: она стала сиротой еще до того, как родилась.

Боб спасает нас от самих себя, снова рыча на двери часовни. Это странно, потому что он никогда такого не делает, однако я благодарен ему за то, что отвлекся. Трудно поверить, что когда-то он был крошечным щенком, выброшенным в мусорный бак в коробке из-под обуви. С тех пор он вырос в самого большого черного лабрадора, которого я когда-либо видел. Теперь у него на подбородке появилась копна седых волос, и он ходит медленнее, чем раньше, вот только эта собака – единственная, кто в нашей семье из трех человек все еще способен на безусловную любовь. Я уверен, окружающие считают, будто мы относимся к Бобу, как к суррогатному ребенку, даже если они слишком деликатны, чтобы произнести это вслух. Я всегда говорил, что не возражаю против того, чтобы у меня не было своего ребенка. Люди, у которых нет возможности дать имена своим детям, могут дать имена чему-то другому. Кроме того, какой смысл хотеть то, чего, как ты знаешь, у тебя быть не может? Теперь уже слишком поздно.

Обычно я не чувствую себя сорокалетним. Иногда мне трудно понять, куда ушли годы и когда я превратился из мальчика в мужчину. Возможно, это из-за работы, которую я люблю. Именно она заставляет меня чувствовать себя молодым, в то время как моя жена заставляет меня чувствовать себя старым. Семейный консультант был идеей Амелии, а нынешняя поездка – их совместной придумкой. *Зовите-меня-Памела*, так называемый эксперт, решила, что выходные вдали от дома помогут нам все исправить. Полагаю, что все выходные и вечера, проведенные вместе *дома*, считаются недействительными. Еженедельные визиты, чтобы поделиться самыми сокровенными моментами нашей жизни с совершенно незнакомым человеком, *стоят* больше, чем просто по-грабительски. Из-за денег и по ряду других причин каждый раз, когда мы встречались, я называл эту женщину Пэмми или Пэм. *Зовите-меня-Памела* это не понравилось, в свою очередь она не очень нравилась мне, так что это помогло уравновесить ситуацию. Моя жена не хотела, чтобы кто-то еще знал, что у нас проблемы, однако я подозреваю, что некоторые вполне могли это заметить. Большинство людей в состоянии увидеть надпись на стене, даже если не всегда способны прочитать, что там написано.

«*Могут ли выходные вдали от дома действительно спасти брак?*» Такой вопрос задала Амелия, когда *Зовите-меня-Памела* предложила это. Я точно так не считаю. Вот почему придумал для нас свой собственный план задолго до

того, как согласился с ее. Но теперь мы здесь... поднимаемся по ступеням часовни... и я не знаю, смогу ли пройти через это.

– Ты уверена, что хочешь это сделать? – с сомнением уточняю я, притормаживая перед тем как зайти внутрь.

– Да. А что такое? – удивляется она, будто не слышит рычания собаки и завывания ветра.

– Не знаю. Что-то кажется мне неправильным...

– Это не ужастик, написанный одним из твоих любимых авторов, Адам. Это реальная жизнь. Возможно, просто ветер распахнул двери.

Она может говорить все, что ей заблагорассудится, но раньше двери были не просто притворены. Они были закрыты, и мы оба это знаем.

Мы оказываемся в помещении, которое богатые люди называют комнатой для обуви, и я ставлю сумки. Вокруг моих ног образуется лужа тающего снега. Пол, выложенный каменными плитами, выглядит старинным, а вдоль задней стены расположился встроенный шкаф в деревенском стиле, с деревянными ячейками, предназначенными для обуви. Есть также ряды крючков для пальто, все свободные. Мы не снимаем наши заснеженные ботинки и куртки. Отчасти потому, что здесь так же холодно, как и снаружи, но еще и, вероятно, из-за того, что пока неясно, останемся ли мы здесь.

Одна стена увешана зеркалами, маленькими, не больше моей ладони. Все они странных форм и размеров, в замыс-

ловатых металлических рамках, небрежно закрепленных с помощью ржавых гвоздей и простой бечевки. В них отражается, должно быть, пятьдесят пар наших лиц. Как если бы мы стали всеми предыдущими версиями самих себя, чтобы попытаться наладить наш брак, и собрались вместе, дабы посмотреть сверху вниз на то, какие мы теперь. Часть меня рада, что я не узнаю их. Не уверен, что мне понравилось бы увиденное.

Это не единственная интересная особенность дизайна интерьера. Два оленьих черепа и рога установлены в качестве трофеев на самой дальней побеленной стене; из отверстий, где когда-то были глаза животных, торчат четыре белых пера. Это немного странно, но моя жена присматривается повнимательнее и глядит зачарованно, словно посетила художественную галерею. В углу стоит старая церковная скамья, которая привлекает мое внимание. Она выглядит антикварной и покрыта пылью, ясно, что здесь уже очень давно никто не сидел. Судя по первому впечатлению, это явно не лучшее место в мире.

Я помню наши отношения с Амелией в самом начале. Тогда мы просто поладили – нам нравилась одна и та же еда, одни и те же книги, а секс оказался лучшим, чем у меня когда-либо был. Все, что я мог и не мог видеть в ней, было прекрасно. У нас нашлось достаточно много общего, и от жизни мы хотели одного и того же. Или, по крайней мере, я так думал. Сейчас она, похоже, хочет чего-то другого. Возможно,

кого-то другого. Потому что я-то не изменился.

– Тебе не нужно рисовать в пыли, чтобы доказать свою точку зрения, – говорит Амелия. Я смотрю на маленькое, детское, улыбающееся личико на церковной скамье, на которое она указывает. Я и не заметил его раньше.

Я его не рисовал.

Большие деревянные наружные двери захлопываются за нами прежде, чем я успеваю возразить.

Мы оба оборачиваемся, но здесь нет никого, кроме нас. Кажется, что все здание дрожит, крошечные зеркала на стене слегка качаются на ржавых гвоздях, а собака скулит. Амелия смотрит на меня широко раскрытыми глазами, а ее рот складывается в идеальную букву «о». Мой разум пытается предложить рациональное объяснение, потому что это то, что ему всегда удается.

– Ты подумала, что двери распахнул ветер... Может быть, он их и захлопнул, – предполагаю я, и она кивает.

Женщина, на которой я женился более десяти лет назад, никогда бы в это не поверила. Но в наши дни моя жена слышит только то, что хочет услышать, и видит то, что хочет увидеть.

КАМЕНЬ

Слово года:

лимерентность – существительное.

Непроизвольное душевное состояние,

вызванное романтическим влечением к другому

человеку

в сочетании с непреодолимой, навязчивой
потребностью

получить взаимность в своих чувствах.

Октябрь 2007 года

Дорогой Адам!

Когда мы встретились, все случилось с первого взгляда. Я не слишком осознавала, что именно, но знаю, что ты почувствовал то же самое.

Наше необычное первое свидание состоялось в «Электрик Синема». Мы оба в одиночку пришли смотреть фильм, я по ошибке села на твое место, в результате мы разговорились и после сеанса ушли вместе. Все думали, что мы сумасшедшие и что наш бурный роман не продлится долго, но я всегда получала огромное удовлетворение, доказывая людям, что они ошибаются. Как и ты. Это одна из многих вещей, которые нас объединяют.

Признаюсь, что совместное проживание было не совсем таким, как я себе представляла. Труднее скрыть свою темную сторону сущности от того, с кем ты живешь, и ты лучше справлялся с этим, пока я просто приходила в гости. Я переименовала холл твоей квартиры в «Стори Стрит», потому что вдоль него выстроилось так много шатких стопок рукописей и книг, что, пробираясь по нему, нам приходилось осторожно обходить их. Знаю, что чтение и писательство – основная часть твоей жизни, но теперь, когда я тоже здесь живу, нам, возможно, придется поискать нечто большее, чем подвальную студию в старом таунхаусе в Ноттинг-Хилл. Как

бы там ни было, я очень счастлива! Я привыкла играть вторую скрипку в нашем оркестре, и согласна, чтобы в этих отношениях нас всегда было трое: ты, я и твоё творчество.

Именно оно стало причиной нашей первой большой ссоры, ты помнишь? Полагаю, мне следовало бы подумать, прежде чем рыться в ящиках твоего стола, но я всего лишь искала спички. Именно тогда я обнаружила рукопись «*Камень-ножницы-бумага*» с твоим именем, аккуратно напечатанным *Times New Roman*⁵ на первой странице. В полном моем распоряжении была квартира и бутылка приличного вина, так что я прочитала все в тот же вечер. Глядя на выражение твоего лица, когда, вернувшись домой, ты обнаружил это, можно было подумать, что я сунула нос в твой дневник.

Хотя теперь, кажется, я понимаю. Эта рукопись была не просто непроданной историей; она напоминала брошенного ребенка. «*Камень-ножницы-бумага*» – твой первый сценарий, так и не попавший на экран. Ты общался с тремя продюсерами, двумя режиссерами и одним актером из списка «А». Ты потратил много лет на написание нескольких черновых вариантов, но сценарий так и не вышел за рамки разработки. Должно быть, неприятно, что о твоей любимой истории забыли, оставили умирать в ящике стола, но я уверена: это не навечно. С тех пор я официально стала твоим первым читателем – роль, которой я очень горжусь, – а твои тексты с каждым разом все лучше и лучше. Знаю, ты предпочел бы,

---

⁵ Название печатного шрифта.

чтобы в фильмы превратились твои собственные истории, но пока занимаешься чужими. Я все еще не совсем привыкла к тому количеству времени, которое ты тратишь на чтение этих романов, только потому что кто-то где-то решил, будто они могли бы сработать на экране. Но я наблюдала, как ты исчезаешь в книге, точно кролик в шляпе фокусника, и научилась принимать, что иногда ты немного заикливаешься на себе не появляешься несколько дней.

К счастью, книги – еще один объединяющий нас фактор. Однако, думаю, будет справедливо заметить различия наших предпочтений. Тебе нравятся страшилки, триллеры и криминальные романы, которые мне совсем не по вкусу. Я всегда думала, что с самими людьми, пишущими мрачную и извращенную беллетристику, скорее всего, что-то серьезно не так. Я питаю слабость к хорошим любовным историям. Тем не менее я старалась с пониманием относиться к твоей работе, хотя порой бывало больно оттого, что ты с большим удовольствием проводишь время в мире фантазий, а не здесь, в реальном мире, со мной.

Думаю, именно поэтому я так расстроилась, когда ты заявил, что мы не можем завести собаку. С тех пор, как мы встретились, я только и делала, что поддерживала тебя и твою карьеру, но иногда меня беспокоит, что наше будущее, похоже, зависит только от тебя. Я знаю, что работать в «Приюте для собак Баттерси» не так гламурно, как быть сценаристом, однако мне нравится моя работа, она делает меня

счастливой. Твои аргументы против собаки были рациональными (как обычно). Квартира до смешного маленькая, и мы оба подолгу отсутствуем, хотя я всегда говорила, что могу брать собаку с собой в офис. В конце концов, ты же приносишь свои рукописи домой.

Я вижу брошенных собак каждый день, но этот был каким-то особенным. Как только я увидела прелестный комочек черного меха, сразу поняла – он тот самый! Каким надо быть монстром, чтобы сунуть крошечного лабрадора в коробку из-под обуви и бросить его в мусорный бак, оставив там умирать?! Ветеринар определил, что ему не больше шести недель, и ярость, которую я испытала, была всепоглощающей. Я знаю, каково это – быть брошенным кем-то, кто должен любить тебя. Нет ничего хуже.

Я хотела принести щенка домой на следующий же день, но ты сказал «нет», и впервые с тех пор, как мы встретились, мое сердце было разбито. Я надеялась, что у меня еще будет время переубедить тебя, однако утром один из администраторов «Баттерси» вошел в мой офис и сообщил, что кто-то пришел забрать песика. Моя работа – оценивать всех потенциальных владельцев домашних животных, поэтому, идя по коридору на встречу с ними, я втайне надеялась, что они окажутся неподходящими. Ни одно животное, благодаря моему контролю, не может попасть в дом, где его не будут по-настоящему любить.

Первое, что я увидела, войдя в приемную, был лабрадор.

Совсем один, он сидел на холодном каменном полу. Казался просто крошечным черным пятнышком. Потом я заметила на нем маленький красный ошейник и серебряную именную бирку в форме косточки. В этом не было никакого смысла. Я еще даже не познакомилась с потенциальными владельцами, посему они не имели права вести себя так, словно собака уже принадлежит им. Я подняла щенка, чтобы поближе рассмотреть надпись на блестящем металле:

ТЫ ВЫЙДЕШЬ ЗА МЕНЯ?

Я чуть не уронила его.

Не знаю, что отразилось на моем лице, когда ты появился из-за двери. Однако помню, что плакала. Помню, что половина моих сослуживцев через смотровое окно наблюдали за нами, со слезами на глазах и широко улыбаясь. Все были в курсе, кроме меня! Кто мог подумать, что ты так хорошо умеешь хранить секреты?!

Прости, что не ответила «да» мгновенно. Полагаю, я испытала шок, когда ты опустился на одно колено. А увидев обручальное кольцо с сапфиром, принадлежавшее твоей матери, не смогла справиться с захлестнувшей меня волной эмоций. И поскольку все уставились на нас, я почувствовала себя совершенно ошеломленной.

– Вероятно, лучше всего принимать важные жизненные решения с помощью игры «камень-ножницы-бумага», – пошутила я, потому что верила в твое творчество так же силь-

но, как и в нас, и не думаю, что мы должны когда-либо отказываться от того или другого.

Ты улыбнулся.

– Итак, просто чтобы уточнить: если я проиграю, это будет «да»?

Я кивнула и сжала кулак.

Мои ножницы разрезали твою бумагу, как это происходит всегда, когда мы играем в эту игру, так что на самом деле особого риска не было. Всякий раз, если я в чем-то выигрываю, тебе нравится думать, что ты позволяешь мне это.

Первые несколько месяцев наших отношений я смеялась над тобой из-за того, что ты употребляешь слишком много длинных слов, а ты дразнил меня в ответ – за то, что я не знала их значения.

– Не понимаю, что это: лимерентность или любовь, – вот что ты сказал после того, как поцеловал меня в первый раз. Вернувшись домой, я была вынуждена посмотреть значение этого слова. Странные вещи, которые ты иногда произносил, наряду с неравенством нашего словарного запаса положили начало нашей традиции: «слова дня» перед сном. Твои примеры часто оказывались лучше моих, потому что я тоже иногда позволяю тебе выигрывать. Возможно, мы могли бы уже играть в «слова года»? В этом году должно быть «лимерентность», я все еще питаю к нему слабость.

Знаю, ты считаешь, что слова важны. И это имеет смысл, учитывая выбранную тобой профессию. Однако совсем

недавно я осознала, что слова – это просто набор букв, расположенных в определенном порядке, чаще всего на том языке, который нам дали при рождении. В наши дни люди небрежно относятся к тому, что говорят. Они кидают фразы в текстовом сообщении или твите, они пишут их, притворяются, что читают их, искажают, неправильно цитируют, лгут с их помощью, без них и о них. Они крадут их, а потом выбрасывают. Хуже всего то, что они забывают о них. Слова имеют ценность только в том случае, если мы помним, как почувствовать, что они означают. Мы ведь не забудем, правда? Мне нравится думать, что то, что у нас есть, – это больше, чем просто набор букв.

Я рада, что нашла твой секретный сценарий, спрятанный в столе, и понимаю, почему он значит для тебя больше, чем все остальные. Читая *«Камень-ножницы-бумага»*, я ощутила возможность заглянуть в твою душу, в ту часть тебя, которую ты не был готов показать мне, но мы не должны хранить секреты друг от друга или от самих себя. Придуманная тобой мрачная и запутанная любовная история о мужчине, который в каждую годовщину свадьбы пишет письмо своей жене (даже после ее смерти), вдохновила меня сделать то же самое. Для тебя. Раз в год. Еще не знаю, поделюсь ли я с тобой этими письмами, но, может быть, однажды наши дети смогут прочитать, как мы создали нашу собственную историю любви и жили долго и счастливо.

Твоя будущая жена. XX⁶

---

⁶ Обозначение поцелуя на письме.

Адам

Это я захлопнул двери часовни. Я не собирался делать это с силой и не представлял, что выйдет так громко. Сам не понимаю, почему я просто не признался, вместо того чтобы обвинять ветер. Возможно, просто устал от того, что моя жена отчитывает меня каждые пять минут.

В комнате для обуви есть еще одна дверь, прямо по центру стены с миниатюрными зеркалами. Боб принимается царапать ее, оставляя следы на дереве. Это еще одно действие, наряду с рычанием, которых раньше за ним не замечалось.

Я колеблюсь, прежде чем повернуть ручку, и, сделав это, обнаруживаю длинный темный коридор. Кажется, что звук наших шагов по каменному полу эхом отражается от белых стен, пока мы втроем направляемся к следующей двери, вырисовывающейся вдалеке. Пока мы идем, единственное, что я вижу, – это темнота. Но как только мои пальцы нащупывают выключатель, выясняется, что мы находимся в самой обычной на вид кухне. Она огромна, однако все равно выглядит уютно и по-домашнему. Если бы не сводчатый потолок, выступающие балки и витражи, вы бы никогда не догадались, что это помещение когда-то было частью часовни.

Центральное место занимает большая АГА кремового цвета, по обе стороны от которой расположены дорогие на вид шкафы. Посреди помещения стоит солидный деревян-

ный стол, окруженный отреставрированными церковными скамьями. Кухня словно сошла с картинки в журнале, если исключить толстый слой пыли, покрывающий каждую поверхность.⁷

Что-то на столе привлекает мое внимание. Я подхожу на шаг ближе и вижу, что это напечатанная на машинке записка, адресованная нам.

Дорогие Амелия, Адам и Боб!

Пожалуйста, почувствуйте себя как дома.

В конце лестничной площадки для вас приготовлена спальня. В морозилке есть еда, в склепе – вино, а в поленнице на заднем дворе вы найдете дополнительные дрова, если они понадобятся.

Мы надеемся, что вам у нас понравится.

– Что ж, по крайней мере, мы знаем, что находимся в нужном месте, – произносит Амелия, крутя обручальное кольцо на пальце. Она всегда это делает, когда нервничает. Одна из тех маленьких привычек, которые я раньше находил милыми.

– Кто такие эти «мы» в записке? – любопытноствую я.

– Что?

– «Мы надеемся, что вам у нас понравится». Ты сказала, что выиграла этот уикенд в лотерею, но не уточнила кому принадлежит это место.

– Не знаю... Я просто получила электронное письмо, в ко-

---

⁷ Название кухонной плиты, популярной в Англии.

тором говорилось, что я выиграла.

– От кого?

Амелия пожимает плечами.

– От человека, который следит тут за порядком. Мне прислали инструкции и фотографию этого места с озером Блэкуотер на заднем плане. Вид потрясающий! Не могу дождаться, когда ты увидишь это при дневном свете...

– Допустим. И как ее звали?

Она снова пожимает плечами.

– Понятия не имею. С чего ты вообще взял, что это женщина? Если ты никогда этого не делаешь, это еще не значит, что мужчины не способны убираться.

Я игнорирую ее ироничное замечание, потому что давно понял – так удобнее, однако даже моя жена не может отрицать, что во всем происходящем есть нечто довольно странное.

– Мы уже здесь, – замечает она, обнимая меня. Объятия кажутся неловкими, словно мы давно не практиковались. – Давай попробуем извлечь максимум пользы. Это всего на пару ночей, и это будет одна из тех забавных историй, которые мы потом сможем рассказать нашим друзьям.

Я не могу видеть эмоции на лицах, но Амелия может, поэтому я стараюсь сохранить нейтралитет и не продемонстрировать, что на самом деле у нас больше нет друзей. Общих. Наш круг общения сузился. У нее своя жизнь, а у меня своя.

Мы исследуем остальную часть первого этажа, который в

Основном состоит из двух огромных комнат: кухни и гостиной, больше напоминающей библиотеку. Изготовленные на заказ деревянные книжные шкафы занимают стены от пола до потолка (если не считать редких витражей), и все полки забиты книгами. Они аккуратно расставлены и даже сочетаются по цвету: вероятно, это сделал тот, у кого было слишком много свободного времени.

В центре комнаты уходит вверх замысловато оформленная деревянная винтовая лестница. Напротив огромный каменный камин, почерневший от копоти и времени и достаточно большой, чтобы в нем буквально можно было сидеть. Уже приготовлена бумага, растопка и поленья, рядом лежит коробок спичек. Я сразу же развожу огонь – в доме холодно, и мы замерзли. Амелия берет у меня из рук спички и зажигает церковные свечи на готической каминной полке, и те, которые она находит в ураганных фонарях, разбросанных по комнате. Теперь помещение выглядит и ощущается намного уютнее.

Неровный каменный пол, который, должно быть, не изменился с тех пор, когда часовня еще была часовней, покрыт старинными коврами. А на двух потертых клетчатых диванах по обе стороны от камина явно любили посидеть. На поверхности и на подушках видны вмятины, словно кто-то встал с них за несколько мгновений до нашего приезда.

Как только я начинаю расслабляться, раздается скрежет и жуткий стук в одно из окон. Боб лает, а мое сердце начинает

биться немного быстрее, когда я вижу то, что выглядит как рука скелета, стучащая по стеклу. Но это всего лишь дерево. Снаружи ветер размашисто толкает в сторону здания его голые, похожие на кости ветви.

– Почему бы тебе не включить какую-нибудь музыку? Может быть, мы сможем заглушить шум бури? – предлагает Амелия, и я послушно нахожу сумку, в которую упаковал дорожные колонки. У меня на телефоне гораздо лучший выбор музыки, чем у нее, но тут я вспоминаю, что не обнаружил свой гаджет в машине. Я оборачиваюсь на жену, размышляя, не проверка ли это.

– У меня нет с собой мобильного, – произношу я, отчаянно желая увидеть выражение ее лица.

Я не люблю говорить о слепоте на лица, даже с ней. То, что определяет нас, редко бывает нашим выбором. Порой, когда я смотрю на других людей, их черты напоминают разводы на картине Ван Гога.

– Мне кажется, что даже хирургу было бы трудно отделить тебя от твоего телефона. Вероятно, это скрытое благословение, что ты по ошибке оставил его дома. У меня есть несколько альбомов, которые тебе нравятся, а то, что ты сделаешь перерыв и не будешь целый день пялиться в экран, пойдет тебе на пользу, – заявляет она.

Но это плохой и неправильный ответ.

Я видел сегодня утром, как она вынула мой мобильный из бардачка, прежде чем мы уехали. Я всегда кладу его туда в

дальних поездках – меня тошнит, когда я смотрю на экраны в машинах или такси, – и она это знает. Я наблюдал, как она достала его и унесла обратно в дом. Потом по дороге сюда она лгала об этом, а я просто слушал.

Будучи женатым так долго, я уверен: глупо надеяться, что у моей жены нет каких-то секретов, поскольку у меня они, конечно же, есть. Однако еще никогда она так себя не вела. Мне не нужно видеть ее лицо, чтобы понять, когда она говорит мне неправду. Несложно почувствовать, когда кто-то, кого вы любите, лжет. Чего я пока не знаю, так это почему.

Амелия

Я наблюдаю за Адамом, пока он добавляет в огонь еще одно полено. Он ведет себя еще более странно, чем обычно, и выглядит усталым. Боб, растянувшийся на ковре, кажется, тоже не впечатлен. Они оба склонны к раздражительности, когда голодны. У нас много собачьего корма (Адам всегда говорит, что я забочусь о собаке лучше, чем о нем), который не помогает решить проблему с нашей едой. Мне следовало взять с собой в дорогу не только печенье и закуски. Магазин, у которого я намеревалась остановиться, из-за шторма закрылся рано, а мой запасной план поужинать в «Блэкуотер Инн» потерпел грандиозный провал – бесхозный паб выглядел так, словно его забросили много лет назад.

– В записке на кухне говорилось что-то про морозилку, в которой есть еда. Почему бы нам не посмотреть, что там можно найти? – предлагаю я и, не дожидаясь ответа, направляюсь на кухню.

Шкафы пусты, и никакой морозилки нет.

Холодильник тоже пуст и даже не подключен к розетке. Есть кофемашина, но не видно ни кофе, ни чая. Здесь даже нет кастрюль и сковородок. Я нахожу тарелки, миски, бокалы для вина, ножи и вилки – по две штуки. Здание такое большое, что кажется странным иметь только по паре этих предметов.

Я слышу, как в соседней комнате возится Адам. Он включил один из альбомов, которые мы любили слушать, когда только встретились, и я чувствую, что немного смягчаюсь. Та версия нас была чудесной. Порой мой муж напоминает мне бродячих собак, которых я вижу на работе – тех, кого нужно защитить от реального мира. Вероятно, именно поэтому он проводит так много времени, исчезая в историях. Вера в кого-то – это один из величайших даров, которые вы можете ему дать, это бесплатно, а результаты могут стать бесценными. Я стараюсь применять это правило – как в личной жизни, так и на работе.

На прошлой неделе в «Баттерси» я проводила собеседование с тремя потенциальными владельцами кокапу по кличке Берти. Первой оказалась блондинка лет сорока с небольшим. Обустроенный дом, хорошая работа, на бумаге все отлично. Значительно лучше, чем при личной встрече. Донна, одетая в розовый спортивный костюм в стиле «бабл гам», опоздала, но уселась в моем маленьком кабинете без малейшего намека на извинения, беспрестанно тыча в телефон накладным ногтем в тон костюма.

– Это займет много времени? У меня свидание, – проворковала она, едва поднимая глаза от экрана.

– Что ж, мы всегда рады познакомиться с потенциальными владельцами. Мне интересно, можете ли вы рассказать, что такого было в Берти, что заставило вас заинтересоваться им?

Ее лицо вытянулось, будто я попросила ее решить сложное уравнение.

– Берти? – Она надула губы.

– Собака...

Она хихикнула.

– Конечно, извините, я собираюсь сменить ее имя на Лола, как только привезу домой. Теперь у каждого есть кокапу, не так ли? Я вижу их по всей «инсте».

– Мы не рекомендуем менять кличку собаки, когда она уже немного подросла, Донна. А Берти – мальчик. Изменить его имя на Лола – все равно что называть вас Фредом. Как только мы пообщаемся, я познакомлю вас с Берти и посмотрю, как вы двое поладите. Но, боюсь, сегодня вы не сможете забрать его домой. Процесс состоит из нескольких этапов. Чтобы мы могли быть уверены, что это правильное решение.

– Уверена, что со мной все будет прекрасно.

– Правильное в отношении собаки.

– Но... Я уже купила подходящие наряды.

– Наряды?

– Да, с «eВау». Костюмы охотников за привидениями. Один для меня и мини-собачья версия для Лолы. Моим подписчикам в «Инстаграме» это понравится! Он, кстати, умеет делать трюки?

Я отклонила заявление Донны. Я отказала следующим двум претендентам, тоже пришедшим повидаться с Берти, хотя один пригрозил «поговорить с моим менеджером», а

другой назвал меня занудой. Но в мое дежурство никто не отправится в дом, где его не будут любить по-настоящему.

Существует столько же разновидностей разбитых сердец, сколько и любви, но опасения всегда одни и те же, и мне не стыдно признаться, что сейчас мне страшно. Думаю, возможно, настоящая причина, по которой я так боюсь потерять – или покинуть – своего мужа, заключается в том, что у меня больше никого нет. Я вообще не представляла, какво это – иметь настоящую семью, и мне всегда лучше удавалось заводить знакомства, нежели друзей. В тех редких случаях, когда я чувствую, что нашла того, кому могу доверять, я вцепляюсь в него. Крепко. Но мое суждение может оказаться ошибочным. В моей жизни попадались люди, от которых мне нужно было не просто уйти – мне следовало бежать.

Я никогда не встречалась со своими родителями. Мне известно, что мой отец любил старые машины, возможно, поэтому я тоже их люблю и не могу расстаться со своим древним «Моррис Минор», несмотря на постоянные жалобы Адама. Мне трудно доверять новым вещам, местам или людям. Мой отец поменял свой винтажный «Эмджи Миджет» на совершенно новую семейную машину незадолго до моего рождения. Новое не всегда означает лучшее. По пути в больницу, когда у моей мамы начались роды, отказали тормоза, и в машину родителей с водительской стороны врезался грузовик. Они оба погибли мгновенно. Доктор, который по счастливой случайности проезжал мимо в другом направ-

лении, каким-то образом вытащил меня на свет на дорожной обочине. Он назвал меня чудо-малышкой и дал мне имя – Амелия, из-за своей одержимости женщиной-авиатором. Ей нравилось летать. А я перелетала из одной приемной семьи в другую, пока мне не исполнилось восемнадцать.⁸⁹

– Могу предположить, что люди останавливаются здесь не слишком часто. Тут ужасно холодно, и все покрыто пылью, – говорит Адам, появляясь позади меня и заставляя меня подпрыгнуть. – Прости, не хотел тебя напугать...

Он хотел этого!

– Я не испугалась...

На самом деле, испугалась.

– Я просто устала с дороги и не могу найти ничего съестного.

– Ты пытался проникнуть сюда? – интересуется он, направляясь к арочной двери в углу кухни.

– Да, но она заперта, – отвечаю я, не поднимая глаз. Адам всегда думает, что знает все лучше меня.

– Возможно, просто ручка немного жесткая, – произносит он, когда дверь со скрипом открывается.

Он щелкает выключателем, и, догнав его, я вижу нечто похожее на кладовую. Но полки заполнены инструментами, а не едой. У дальней стены аккуратно сложены коробки с гвоздями и шурупами, гайками и болтами, гаечными ключами

---

⁸ Двухместный спортивный автомобиль.

⁹ Речь идет об Амелии Эрхарт.

и молотками разного размера, а также набор пил и топоров. Есть также странно выглядящие неизвестные мне небольшие инструменты, похожие на миниатюрные стамески, изогнутые ножи и круглые лезвия с соответствующими деревянными ручками. Сырое, темное помещение освещается единственной лампочкой, свисающей с потолка. В ее свете с трудом можно разглядеть предметы на полу, однако невозможно не заметить крупный морозильный шкаф в углу комнаты. Он огромен – подобные стоят в супермаркетах, – и по жужжащему звуку, который он издает, я догадываюсь, что, в отличие от холодильника, он к сети подключен.

Я колеблюсь, прежде чем поднять крышку, но беспокоиться не о чем.

Этот шкаф заполнен упаковками, выглядящими, как замороженные блюда домашнего приготовления. Каждый контейнер из фольги и картонные крышки тщательно промаркированы от руки замысловатым почерком. Здесь, должно быть, больше сотни обедов, порции рассчитаны на одного, но выбор довольно широк: лазанья, спагетти болоньезе, ростбиф, мясной пирог, «жаба в норке».¹⁰

– Цыпленок карри? – предлагаю я.

– Звучит хорошо. Теперь нам просто нужно немного вина.

К счастью, мне кажется, я нашел склеп, – сообщает Адам.

Среди многочисленных инструментов он обнаружил фо-

---

¹⁰ «Жаба в норке», или «сосисочная жаба» – традиционное британское блюдо. Сосиски, запечённые в кляре для йоркширского пудинга.

нарик и освещает им каменный пол. Только тогда я понимаю, что некоторые гигантские плиты, на которых мы стоим, – это старые надгробия. Выгравированные на них имена стерлись от долгих лет хождения по ним.

– Здесь, внизу. – Адам направляет луч на древний на вид деревянный люк.

Я дрожу, и не только потому, что в этом помещении невероятно холодно.

Бумага

Слово года:

Фортели – существительное *во множественном числе*.

Тайная или нечестная деятельность, или манипулирование.

Глупое или высокомерное поведение; пакость.

28 февраля 2009 года – наша первая годовщина

Дорогой Адам!

Сегодня первая годовщина нашей свадьбы! Как я и обещала, пишу тебе свое ежегодное секретное послание, со всем как герой твоего любимого сценария. Я убеждена, что однажды *«Камень-ножницы-бумага»* станет большим хитом в Голливуде, и даже если я никогда не позволю тебе прочитать эти письма, мне все равно нравится идея, что, став старше, мы сможем, благодаря им, оглянуться назад на подлинную историю о нас с тобой.

Последние двенадцать месяцев стали настоящими американскими горками. Пожениться в високосный день было моей идеей, отправиться в Шотландию в наш медовый месяц – твоей. Если и есть на свете уголок красивее, то мне еще предстоит его найти. Надеюсь, что мы будем часто бывать там. Меня повысили на работе, а тебя попросили написать современную адаптацию *«Рождественской песни»* для Би-би-си. Знаю, это не то, чем ты на самом деле хочешь заниматься, но комиссионные принесли утешение. После двух неудачных *«пилотов»* твоя писательская работа застопорилась. Ты твердил, что это случается со всеми, но, очевидно, никогда не

думал, что подобное произойдет с тобой.¹¹

Я пыталась помочь – штудировала книги о писательстве и сценариях, училась рассказывать истории. Ты всегда просил меня прочитать то, что написал. Мне нравится чувствовать себя частью процесса, и помимо того, что я твой первый читатель, я стала редактировать некоторые твои работы. Буквально несколько заметок в рукописи тут и там, которые ты часто, в основном, иногда, похоже, ценишь. Мне просто хотелось сделать чуть больше, быть полезной. Я верю в тебя и твои истории.

Вопреки мнению людей, быть замужем за сценаристом не слишком гламурно, также как и жить в однокомнатной квартире в Ноттинг-Хилл. Наш утренний распорядок как мужа и жены почти всегда одинаков. Если это обычный день, ты целуешь меня в щеку, встаешь, надеваешь халат, готовишь кофе и тосты, а затем садишься за свой крошечный письменный стол в углу студии, чтобы начать работу. Похоже, она заключается в том, чтобы проводить много времени в мечтах, уставившись в свой ноутбук и время от времени постукивать по клавиатуре. Тебе нравится начинать рано, однако это чаще всего не мешает тебе продолжать писать до поздней ночи. Иногда кажется, что ты останавливаешься только для того, чтобы поспать или поесть. Но я не против. Я поняла,

---

¹¹ «Рождественская песнь в прозе» – повесть-сказка британского писателя Чарльза Диккенса, изданная в 1843 году. В 2009 году экранизация Р. Земекиса с Джимом Керри в главной роли вышла в российский прокат под названием «Рождественская история».

что у тебя низкий порог скуки и что работа – твое любимое лекарство.

Будь это привычное утро, я бы погладила свою униформу прямо на кровати – у нас нет гладильной доски, потому что ее некуда поставить и в ней нет реальной необходимости. Затем я бы оделась, пока ткань еще теплая. Перелила бы немного от оставшегося кофе в свою фляжку, схватила Боба и запрыгнула в свою старую машину. «Приют для собак Баттерси» открыт для вас и ваших питомцев каждый будний день.

Но это был не рядовой день.

Это была наша первая годовщина, это были выходные, и, проснувшись, я прочитала кое-что очень захватывающее.

– Он мертв!

– Кто мертв? – уточнил ты, протирая сонные глаза.

Твой голос звучал на октаву ниже обычного, как это всегда случается после изрядного количества красного вина, выпитого накануне вечером. Ты начал пить больше, чем раньше, и дешевый алкоголь, похоже, только подливает масла в огонь ночного писательства, в котором ты сейчас погряз. Но мы не можем позволить себе хорошие вещи. Бюджет, на который мы существуем, выглядит слегка потрепанным, и это не дает покоя нам обоим.

Я поднесла свой телефон прямо к твоему лицу, чтобы ты мог прочитать заголовок.

– Генри Винтер.

– Генри Винтер умер? – переспросил ты, садясь и уделяя мне все свое внимание.

Я знала, что Генри Винтер твой любимый автор, ты достаточно часто говорил о нем и его книгах и о том, как бы тебе хотелось увидеть их на экране. Пожилой писатель известен тем, что неизвестен, он редко дает интервью и выглядит неизменно уже более двадцати лет: неулыбчивый старик с отросшей копной седых волос и самыми голубыми глазами, которые я когда-либо видела. На редких фотографиях в Интернете он всегда в твидовом пиджаке и галстук-бабочке. Я думаю, это маскировка: личность, за которой он прячется. Я не разделяю твоего энтузиазма по поводу этого человека или его работ, но это не меняет того факта, что он один из самых успешных авторов всех времен. Более ста миллионов экземпляров его детективов об убийствах и жутких триллеров было продано по всему миру, и в литературном сообществе он считается гигантом. *Хотя и недружелюбным.*

– Нет, Генри Винтер жив и здоров. – Я подавила желание добавить «к сожалению». – Этот человек доживет до ста лет. Мертв его агент.

Я ждала и надеялась на определенную реакцию, однако ты просто зевнул.

– И зачем ты разбудила меня?! – пробурчал ты, закрывая глаза и зарываясь обратно под одеяло.

Твои тридцать тебе идут. С годами ты все привлекательней.

– Ты знаешь зачем, – проговорила я.

Ты перестал притворяться, что не понимаешь, но покачал головой.

– Он никогда не соглашался ни на одну телевизионную или киноэкранизацию своих книг. Никогда. Смерть его агента ничего не изменит, и даже если это произойдет, Генри Винтер ни за что не согласится, чтобы я написал сценарий по его произведению, потому что он всю жизнь говорил «нет» всем остальным.

– Что ж, уверена, что с подобным отношением у тебя нет ни единого шанса. Но в связи с удалением из игры привратника – разве не стоит попытаться? Может быть, именно агенту не нравилась эта идея? Некоторые авторы делают все, что велят агенты. Только представь, если бы Винтер сказал «да».

Из-за того, что твои волосы падали на глаза (ты всегда был слишком занят писательством, чтобы посещать парикмахеров), мне не было видно твоих эмоций. Но это и не требовалось. Мы оба знали, что, уговори ты Генри Винтера позволить тебе адаптировать один из его романов, это поменяет в твоей карьере все.

– Мне кажется, тебе следует попросить своего агента договориться о встрече, – продолжала я.

– Я ему надоел. Я не приношу ему достаточно денег.

– Это неправда. Писательство – дело капризное, но ты сценарист, получивший премию Wafta...

– Премия Wafta была много лет назад...

– ...с резюме, в котором россыпь звездных имен...

– С тех пор я не был номинирован ни на одну премию...

– ...и чередой успешных адаптаций. Что в этом плохого?

– Что в этом хорошего? Кроме того, если агент Генри Винтера только что умер, бедняга, вероятно, скорбит. Это было бы неуместно.

– Как и не заплатить арендную плату за этот месяц.

Твоя наивность в отношении некоторых писателей, которыми ты восхищаешься, ставит меня в тупик. Ты, один из самых умных людей, которых я когда-либо встречала, тем не менее елишком легковверен, смотришь на всех этих авторов сквозь розовые очки. Способность написать хорошую книгу не делает человека хорошим автоматически.

Смею утверждать, что это была не та битва, которую я могла выиграть, не изменив стратегию, поэтому открыла ящик в прикроватной тумбочке и достала маленький коричневый бумажный сверток.

– Что это такое? – спросил ты, когда я положила его на кровать.

– Открой и посмотри.

Ты развязывал бечевку с такой осторожностью, словно хотел сохранить обертку. В детстве у нас обоих было не так уж много своего имущества, и полагаю, что часть мышления *сделаю-сам-и-починю* следует за людьми, подобными нам, во взрослую жизнь. Найти деньги, чтобы оплатить нашу свадьбу, было еще одной проблемой текущего года. Все прошло

не так, как хотелось бы: ряды стульев в загсе были в основном пусты, ни у одного из нас не было семьи, только горстка близких друзей, живших в Лондоне. Я обожаю кольцо с сапфиром, принадлежавшее твоей матери. Оно смотрится на моей руке идеально, будто всегда было моим, и я никогда его не снимаю, но нужно было еще купить обручальные кольца, костюм и платье. Женитьба требует непомерно больш*их* денег, особенно если у тебя их практически нет.

– Это журавлик, – объяснила я, пока ты подносил его к свету, и избавила тебя от необходимости спрашивать, в чем смысл такого подарка. – Бумагу традиционно преподносят на первую годовщину свадьбы, поэтому, когда на прошлой неделе на пороге нашего приюта очутился брошенный пудель по кличке Оригами, меня осенило. Я научилась делать бумажные фигурки, просматривая видео на YouTube, и выбрала журавля, потому что он является символом счастья и удачи.

– Это... прекрасно, – произнес ты.

– Он должен принести удачу.

Я знала, что такой подарок тебе очень понравится. Ты самый суеверный человек, которого я когда-либо встречала. На самом деле мне даже нравится, как ты отдаешь честь со-рокам, стараешься не проходить под лестницами и ужасаешься, когда люди открывают зонтики в помещении. Я нахожу это милым. Фортуна, как бы она ни проявлялась, – это то, к чему ты относишься очень серьезно.

Я улыбнулась, когда ты сунул поделку в свой бумажник. Интересно, будешь ли ты хранить ее там постоянно? Надеюсь, поскольку мне нравится эта мысль. Если только не подвернется что-нибудь сулящее большую удачу.

– Я не забыл, – смутился ты. – Просто не думал, что мы отметим это сегодня. Технически наша годовщина наступит только в двенадцатом году.

– Это почему?

– Ну, смотри. Мы поженились двадцать девятого февраля две тысячи восьмого года. Сегодня двадцать восьмое. Високосного не будет еще три года.

– К тому времени мы уже можем быть мертвы.

– Или разведены.

– Не говори так!

– Прости.

В последнее время ты был так занят! И я не удивлена, что ты забыл. Кроме того, ты всего лишь мужчина и, стало быть, генетически запрограммирован забывать о годовщинах.

– Тебе придется загладить свою вину передо мной, – улыбнулась я.

И твоя рука скользнула внутрь моих пижамных штанов. Я думаю, ты и без моих записей вспомнишь, чем мы занимались после. Я тебе не говорила, но я загадала желание. Если в следующем году в это время у нас будет ребенок, ты узнаешь, что оно сбылось.

Я понимала, что и в эти выходные тебе нужно поработать,

несмотря на нашу годовщину, а студия и в лучшие времена с трудом вмещала троих, поэтому я оставила тебя писать, Боба спать, а сама отправилась на целый день в город. Меня вполне устраивает собственная компания, поэтому я никогда не возражала, если тебе нужно было побыть одному. Я немного побродила по Ковент-Гарден, затем провела пару часов в Национальной портретной галерее. Мне нравится смотреть на все эти лица, и это то место, куда нам не удастся пойти вместе. Из-за неспособности кого-либо узнать, ты, пожалуй, заскучаешь.

Когда я вернулась домой, наша маленькая квартирка в цокольном этаже была так щедро уставлена свечами, что пришлось вынимать батарейки из пожарной сигнализации. На кофейном столике – у нас не было места для обеденного – стояли две тарелки, два набора столовых приборов, два бокала и бутылка шампанского. К ней было прислонено меню нашей любимой индийской закусочной, а также конверт с моим именем. Вы с Бобом наблюдали, как я его открываю.

«С ГОДОВЩИНОЙ!»

Это было написано снаружи. Три слова внутри были менее предсказуемы:

«Он сказал “да”».

– Что это значит? – растерялась я. Улыбка на твоём лице и выражение твоих глаз уже подсказали мне ответ, я просто не могла в это поверить.

– Перед тобой первый в истории сценарист, которому доверили адаптировать для кино один из романов Генри Винтера, – произнес ты, сияя, как студент, только что забивший победный гол.

– Ты серьёзно?!

– Практически всегда.

– Тогда давайте откроем шампанское!

– Думаю, твой счастливый бумажный журавлик устроил мне ангажемент, – сказал ты, вынимая пробку и наполняя стаканы (у нас не было бокалов). – Мой агент позвонил мне совершенно неожиданно, чтобы сообщить, что Генри Винтер хочет со мной увидеться. Сначала я подумал, что мне это снится, ведь ты предложила эту идею только сегодня утром. Однако все оказалось реально! Я встретился с ним сегодня днем.

Мы чокнулись стаканами. Ты только пригубил шампанское, а я сделала большой глоток.

– И?

– Мой агент дал мне адрес в Северном Лондоне и сказал, что я должен быть там ровно в час дня. Меня впустили в массивные ворота. Затем женщина, которая, как я предполагаю, была кем-то вроде экономки, провела меня в библиотеку. Это было как в криминальном романе Генри Винтера,

и я почти ожидал, что погаснет свет и кто-нибудь с подсвечником в руках нападет на меня. Но тут вошел он. В реальной жизни он немного ниже ростом, чем мне казалось, но в твидовом пиджаке и синем галстуке-бабочке. Он налил два стакана виски – для начала, – а потом мы просто говорили.

– И он попросил тебя написать сценарий одной из его книг?

Ты покачал головой.

– Нет, он ни разу не упомянул об этом. – Когда ты это произнес, мое возбуждение стало понемногу угасать. – Мы беседовали только о его романах, обо всех, и он задавал много вопросов обо мне... и о тебе. Я показал ему журавлика, которого ты сделала для меня, и это был единственный раз, когда он улыбнулся. Весь день казался таким сюрреалистичным, словно я все это выдумал, но через полчаса после того, как мы Генри расстались, позвонил мой агент и сообщил, что тот хочет, чтобы я написал адаптацию его первого романа «Двойник». Сказал, что, если ему понравится, я смогу это продать! Вот такие фортели!

– Никто не использовал слово «фортели» со времен войны, – поддразнила я. – Возможно, оно могло бы стать словом дня или даже года?

Потом я расплакалась.

Ты предположил, что это слезы счастья, и в некоторой степени так и было.

– Я так горжусь тобой! – воскликнула я. – Теперь все изме-

нится, вот увидишь. Как только ты напишешь первую адаптацию по Генри Винтеру, студии примутся стучать в твою дверь, умоляя написать и для них, – добавила я, убежденная в своей правоте. Потом мы снова чокнулись стаканами, и я допила свое шампанское.

Мы прикончили бутылку, а затем продолжили праздновать моим любимым способом – второй раз за день! В результате пострадало несколько рукописей: просто в комнате не так много места, а до кровати мы добраться не смогли. В некотором смысле сегодняшняя ночь оказалась лучшей в нашей жизни. Но сейчас ты крепко спишь, а я бодрствую, как обычно, – и впервые с тех пор, как мы поженились, у меня появился от тебя секрет. И я не уверена, что смогу когда-нибудь им поделиться. Мы плетем наши жизни из нитей возможностей и стежков случайностей, никто не хочет, чтобы будущее было дырявым. Вот только меня беспокоит тот факт, что, если бы ты узнал, что Генри Винтер доверил тебе свою книгу только благодаря мне, это могло бы стать для нас концом.

Полагаю, даже сейчас в этом письме я не могу поделиться своей тайной.

Может быть, когда-нибудь.

Со всей любовью

Твоя жена. ХХ

Амелия

Адам распахивает шаткий люк. Каменные ступени ведут вниз, и он, не колеблясь начинает спускаться.

– Будь осторожен! – кричу я ему вслед.

Муж смеется:

– Не волнуйся, думаю, что во многих старых часовнях есть склепы. К тому же что такого ужасного может случиться? Если только это не секретное подземелье, хранящее гниющие трупы последних посетителей. Это, по крайней мере, объяснило бы запах.

Я, не двигаясь, прислушиваюсь к звуку его шагов, пока он не скрывается из виду. Свет фонаря мерцает и пропадает.

Повисает тишина.

Я чувствую, что задерживаю дыхание.

Но потом становится слышно, как Адам ругается, и внизу загорается свет.

– Ты в порядке? – волнуюсь я.

– Да, просто ударился головой о низкий потолок, когда фонарь погас. Вероятно, нужны новые батарейки. Но я нашел выключатель и рад сообщить, что здесь нет ни призраков, ни горгулий, только полки, полные вина!

Адам появляется, как исследователь-триумфатор, широко улыбающийся, с пыльной бутылкой красного. Мне удается найти штопор, и, хотя ни один из нас не винный сноб,

сделав по глотку, мы приходим к выводу, что 2008 год был отличным для Рибера дель Дуэро. Утверждают, что брак подобен вину и со временем становится лучше, но я думаю, все зависит от винограда. Определенно, есть годы, которые были приятнее других, и я бы разлила их по бутылкам, если бы могла.¹²

Я начинаю расслабляться, как только выпиваю бокал, и мы принимаемся за еду. Замороженный куриный карри, подогретый в микроволновке, оказался на удивление вкусным, и я чувствую, что успокаиваюсь, пока мы наслаждаемся трапезой, расположившись перед камином в гостиной, напоминающей библиотеку. Приятное шипение и потрескивание гипнотизируют, а пламя, кажется, прыгает и колыхается, отбрасывая призрачные узоры по всей комнате, полной книг.

Шторм снаружи усилился, точно включил следующую скорость. Снег все еще идет, и ветер продолжает завывать, но на диване у очага достаточно тепло. Боб тихо посапывает на коврик у наших ног, и, может быть, это усталость от путешествия или алкоголь, но я чувствую себя странно... довольной. Мои пальцы тянутся к руке Адама (я не могу вспомнить, когда мы в последний раз прикасались друг к другу), но моя ладонь замирает, точно боится обжечься. Привязанность подобна игре на пианино, и без практики вы можете забыть, как это делать.

Я чувствую, что он смотрит на меня, но продолжаю раз-

---

¹² Испанский винный регион.

глядывать свои руки. Интересно, что он сейчас видит? Размытые черты лица? Знакомый, но неопределимый силуэт человека? Неужели я выгляжу для него так же, как и все остальные?

Десять лет – это долгий срок, чтобы быть женатым на ком-то, кого ты до конца не узнал. Я не была до конца честна с ним по поводу этих выходных. Я не была до конца честна во многих вещах, и иногда мне кажется, что он догадывается. Но я твержу себе, что это невозможно. Мы пробовали посещать вечера свиданий и брачные консультации, хотя проводить больше времени вместе не всегда означает меньше бывать порознь. Невозможно подойти так близко к краю обрыва и не увидеть камней внизу, и даже если мой муж не знает всей истории, он понимает, что эти выходные – последняя попытка исправить то, что было сломано.

Только он не подозревает о том, что, если все пойдет не по плану, лишь один из нас отправится домой.

Адам

После ужина мы сидим в тишине. Замороженный карри оказался не таким ужасным, как я предполагал, а вино превзошло ожидания. Мне бы не помешал еще один бокал. Я замечаю руку Амелии на диване рядом с моей. У меня непреодолимое желание прикоснуться к ней, и я не понимаю, что на меня нашло: уже долгое время в нашем браке отсутствует привязанность. Как раз в тот момент, когда я собираюсь взять ее ладонь, она убирает ее к себе на колени. Возможно, это и к лучшему, учитывая, что на самом деле представляет собой этот уик-энд и задуманный мной план.

Пока я смотрю на языки пламени, танцующие в огромном камине, мой разум блуждает по другим путям, к другим вещам. В основном мои мысли о работе. За последнее десятилетие я адаптировал для кино три романа Генри Винтера и горжусь каждым. Одобрение этих сценариев стало настоящим поворотным моментом в моей карьере, однако я уже давно не разговаривал с писателем. Не знаю, почему я думаю о нем сейчас. Эта комната, вероятно, больше похожа на библиотеку, чем на гостиную, ему бы понравилось.

В данный момент у меня нет проектов. Я не в восторге от того, что присылает мой агент, и задумываюсь, не пора ли опять начать работать над чем-то своим. Я давно собирался это сделать, но, наверное, из меня вышибли уверенность.

Может быть, сейчас самое подходящее время, чтобы...

– Что, если тебе попробовать свой собственный сценарий, коль уж ты временно не занят ничем другим? – спрашивает Амелия, прерывая мои размышления, словно она могла их слышать. Я ненавижу ее способность читать мои мысли; как женщины это делают?!

– Сейчас неподходящее время, – возражаю я.

– А как насчет того, над которым ты корпел годами, может быть, на него стоит взглянуть еще раз?

Она даже не может вспомнить название моего любимого произведения. Я не знаю, почему это меня беспокоит, но это так. Раньше она гораздо больше интересовалась моей работой и, казалось, ее действительно заботит, что я пишу. Ее нынешнее безразличие причиняет боль больше, чем следовало бы.

– Мой агент говорит, что есть задумка нового восьмисерийного триллера, которая, возможно, мне понравится. Еще одна адаптация романа. Старенького. – Я оглядываюсь через плечо на книжные шкафы. – Возможно, на одной из этих полок даже есть экземпляр...

– Мы договорились: никакой работы в эти выходные! – тут же ощетинивается она, не улавливая юмора.

– Я пошутил, и, кстати, *ты* заговорила об этом!

– Только потому, что прямо-таки слышно, как ты думаешь об этом. И у тебя то отсутствующее выражение, которое бывает, когда тебя на самом деле нет, даже если ты сидишь

рядом со мной.

Я не вижу эмоции на *ее* лице, но меня возмущает сам тон. Амелия не понимает! Мне нужно постоянно работать над историями, иначе реальный мир начинает казаться слишком шумным. Похоже, в последнее время я не могу *ни о чем* заговорить без того, чтобы она не расстраивалась. Она дуется, если я веду себя слишком молчаливо, но открывать рот – все равно что идти по минному полю. Я не смогу победить. Я не рассказал ей о том, что произошло у Генри Винтера, потому что она бы не поняла этого. Генри и его книги были для меня не просто работой, он практически заменил мне отца. Я сомневаюсь, что он ощущал то же самое, но чувства не обязательно должны быть взаимными, чтобы быть настоящими.

Витражи дребезжат от ветра, и я благодарен за все, что может заглушить самые громкие мысли в моей голове. Я бы не хотел, чтобы она их слышала. Руки все еще требуется чем-то занять, но я больше не хочу держать ее ладонь, и мои пальцы чувствуют себя неприкаянными без телефона. Я достаю из кармана портмоне и нахожу между кожаными складками смятого бумажного журавлика. Глупая старая птица всегда приносила мне удачу и утешение. Я некоторое время терблЮ origami, и мне все равно, что Амелия видит, как я это делаю.

– Я так давно ношу с собой эту бумажную птичку! – бормочу я.

Она вздыхает:

– Знаю.

– Я показал ее Генри Винтеру, когда впервые встретился с ним в его шикарном лондонском особняке.

– Я помню эту историю.

Ее голос кажется скучающим и несчастным, и это заставляет меня чувствовать то же самое. Я ведь тоже слышал все ее истории раньше, и ни одна из них не была особенно захватывающей.

Я бы хотел, чтобы люди были больше похожи на книги.

Если на середине романа вы поймете, что он вам больше не нравится, вы можете просто остановиться и найти для чтения что-нибудь новое. То же самое с фильмами и телевизионными драмами. Нет ни осуждения, ни вины, никому даже не нужно знать, если вы сами не решите об этом рассказать. Но с людьми, как правило, приходится доводить дело до конца, и, к сожалению, не всем удается жить долго и счастливо.

Снег стал мокрым. Крупные, сердитые капли падают на окна, прежде чем слезами скатиться по стеклу. Иногда мне хочется плакать, но мне нельзя. Потому что это не соответствовало бы моему образу, придуманному Амелией для самой себя. Мы все несем ответственность за подбор звезд в сценариях нашей собственной жизни, и она выбрала меня на роль своего мужа. Наш брак был открытым прослушиванием, и я не уверен, что мы получили роли, которые заслуживали.

Ее лицо – неузнаваемое размытое пятно, черты кружатся в вихре, как бушующее море. Такое чувство, что я сижу рядом с незнакомкой, а не со своей женой. Мы провели вместе весь день, и я чувствую клаустрофобию. Я из тех, кому нужно пространство, немного времени наедине с собой. Не знаю, почему она такая... удушающая.

Амелия неожиданно выхватывает бумажного журавлика из моих пальцев.

– Ты слишком долго живешь прошлым вместо того, чтобы сосредоточиться на будущем, – зло произносит она.

– Стой! Нет! – кричу я, когда она бросает мой талисман в огонь.

Я мгновенно вскакиваю с клетчатого дивана и чуть не обжигаю руку, вынимая птицу. Один край опален, но в остальном она не пострадала. Вот и всё. Заключительный акт. Если раньше я сомневался, то теперь уверен, и отсчитываю часы, пока все это не закончится раз и навсегда.

Хлѳпок

Слово года:

«брюзжальня» – существительное.¹³

Укромное место или прибежище, необходимое человеку,

когда он чувствует себя не в своей тарелке.

Отдельная комната или логово, в котором можно

---

¹³ Впервые слово использовано Чарльзом Диккенсом в романе «Холодный дом».

порычать.

28 февраля 2010 года – наша вторая годовщина

Дорогой Адам!

Еще один год, еще одна годовщина, и это было здорово! С тех пор как ты продал первый сценарий по Генри Винтеру, ты был занят работой больше, чем когда-либо прежде. Голливудская студия, купившая его на аукционе, заплатила за эти 120 страниц больше, чем я могла бы заработать за десять лет. Это потрясающе, и я так рада за тебя! Вместе с тем мне грустно за нас, потому что теперь мы видимся еще реже, чем прежде. Похоже, сейчас ты не настолько вообще не нуждаешься во мне или моем вкладе в твою работу. Но я понимаю. Я действительно понимаю.

За последние двенадцать месяцев для тебя многое изменилось, но, к сожалению, не для меня. У нас все еще нет ребенка. Однако ты сдержал свое слово и взял отпуск (что в последние месяцы стало немыслимым!) на нашу годовщину, чтобы мы могли уехать на выходные. Ты договорился с соседом, чтобы тот присмотрел за Бобом, велел мне собрать сумку и не забыть паспорт, но не рассказал мне, куда мы направляемся. Я сменила свои джинсы, покрытые собачьей шерстью, на дизайнерское платье, которое нашла в благотворительном магазине Ноттинг-Хилла, и даже накрасила губы

новой помадой.

Как только в наш юбилейный уик-энд мы вышли из квартиры, ты поймал черное такси. Я предположила, что мы отправимся на Сент-Панкрас... или в аэропорт. Но после тридцати минут, проведенных в автомобиле в час пик, мы остановились на жилой улице в Хэмпстед-Виллидж, одном из твоих любимых районов Лондона. Наверное, потому, что там находится дом Генри Винтера. Здесь супершикарно, но я не думала, что таким людям, как мы, для визита необходим паспорт, поэтому недоумевала, зачем его нужно было брать.¹⁴

Расплатившись с водителем, добавив щедрые чаевые, мы выбрались на тротуар с нашими сумками, и ты полез в карман.

– Что это? – спросила я, разглядывая маленький, но идеально упакованный подарок в твоей руке. Лента была завязана очень красивым бантом, и я усомнилась, что ты сделал это сам.

– С годовщиной, – ответил ты с улыбкой.

– Мы не должны были обмениваться подарками до воскресенья...

– О, правда? Тогда я заберу его обратно.

Я схватила симпатичный сверток.

– Теперь я его увидела, поэтому можно открывать. Надеюсь, это хлопок – традиционный подарок, если продержался в браке два года.

---

¹⁴ Один из 13-и вокзалов Лондона.

– По-моему, речь идет о праздновании, а не о выживании, и я не знал, что женился на таком дотошном человеке.

– Нет, знал! – парировала я, осторожно разворачивая бумагу.

Внутри обнаружилась маленькая бархатная коробочка для драгоценностей бирюзового цвета (мой любимый цвет). Кажется, я почти ожидала увидеть серьги, но, открыв крышку, нашла ключ.

– Если бы ты могла жить в любом доме на этой улице, какой бы ты выбрала? – спросил ты.

Я уставилась на старый, отдельно стоящий викторианский дом с двойным фасадом прямо перед нами. Его стены из красного кирпича были увиты чем-то похожим на смесь ветвей глицинии и плюща. Некоторые стекла в эркерах были разбиты, другие заколочены досками. Он требовал ремонта – обветшалый, но прекрасный, и я не могла не заметить снаружи вывеску «продано».

– Ты серьезно?

– Практически всегда.

Я ощущала себя ребенком, которому вручили ключ от шоколадной фабрики.

Входная дверь была того же бирюзового цвета, что и бархатная шкатулка, и явно покрашена недавно, в отличие от других частей здания. Когда ключ подошел, я заплакала – просто не могла поверить, что у нас есть настоящий дом, ведь мы так долго бились, чтобы платить за аренду дерьмо-

вой крошечной однокомнатной квартиры!

Пространство внутри было таким же заброшенным, как и вид с улицы. Все помещение пахло сыростью, отсутствовали половицы, обои облупились, а старинные светильники и фурнитура были покрыты пылью и паутиной. Из отверстий в потолке, где когда-то были люстры, свисали оборванные провода, а на некоторых стенах красовались граффити. Но я уже была влюблена в это место. Я бродила по большим светлым комнатам, все они были пусты, однако полны потенциала и возможностей.

– Ты сам его отделал? – улыбнулась я, и ты рассмеялся.

– Нет, я подумал, может быть, этим займешься ты. Я знаю, что здесь нужно немного поработать...

– Немного?!

– Иначе мы никогда не смогли бы себе этого позволить.

– Мне это нравится.

– Правда? – спросил ты.

– Да! Но... я купила тебе только пару носков.

– Ну вот, такой сюрприз испортила ...

– По крайней мере, мой подарок сделан из хлопка!

– А когда у нас наступает кирпичный год? Мы могли бы подождать до тех пор...

Мое беспокойство всплыло на поверхность и подпортило веселье.

– Мы действительно можем себе это позволить?

Ты улыбнулся, чтобы скрыть свою ложь нерешительность,

но я все равно заметила. Тебе всегда нравилось взвешивать свои ответы, прежде чем озвучить их, при этом никогда не предлагая слишком много или слишком мало.

– Да, это был очень хороший год. Я был слишком занят, чтобы наслаждаться им, но я думаю, что нам пора начать жить той жизнью, о которой мы всегда мечтали. Не так ли? Что, если нам не торопиться с ремонтом... сделать часть работы самим? Превратить его в нашу собственную брызжальню и сделать его нашим домом на всю жизнь? – Я мысленно отметила поискать слово «брызжальня». – Если ты считаешь, что первый этаж хорош, тебе следует посмотреть наверху, – предложил ты.

Мои руки нащупывали путь вверх по старым деревянным перилам, а ноги были аккуратны и осторожны, чтобы в темноте не подвернуть лодыжку на какой-нибудь из сломанных ступеней. Почти все поверхности были покрыты паутиной, пылью и грязью, но я уже представляла, насколько изумительным в один прекрасный день может стать все вокруг. И я никогда не боялась тяжелой работы.

Я следовала за тобой по коридору, пока мы не добрались до большой спальни. Я громко ахнула, увидев красиво застеленную кровать – это была единственная мебель в доме – и бутылку шампанского в ведерке со льдом на полу.

– Простыни на сто процентов из египетского хлопка. Видишь, я не забыл! С годовщиной, миссис Райт, – сказала ты, обнимая меня.

– А как насчет других спален? – поинтересовалась я.

– Ну, я думаю, мы должны приступить к работе по их наполнению, не так ли?

Мы провели в доме три дня, выходя только для того, чтобы подышать свежим воздухом и перекусить. Спасибо тебе за чудесные выходные, за счастливую годовщину и за то, что ты – любовь всей моей жизни! Я планирую потратить все свое свободное время на ремонт этого особняка и украшение каждой комнаты, пока он не станет домом, о котором мы оба мечтали. Трудно представить, что можно чувствовать себя еще счастливее!

Со всей любовью,

Твоя жена. ХХ

Амелия

Трудно представить, что можно чувствовать себя более несчастной, чем я сейчас.

Я не хотела бросать талисман мужа в огонь, просто... сорвалась. И в этом нет моей вины: это Адам заставил меня ощутить приступ ярости. Я смотрю, как он засовывает оригами обратно в бумажник, прежде чем обратить на меня взгляд, полный ненависти.

– Прости! Не знаю, почему я это сделала, – оправдываюсь я, но Адам молчит.

Порой я чувствую себя брошенным домашним животным, вроде тех, которых я каждый день вижу на работе, потому что мой муж все время погружен в свои записи. Оставляет меня одну. Забывает обо мне. Конец зимы всегда трудный период на моей работе. Те люди, которые купили щенков на Рождество, часто уже ко Дню Святого Валентина обнаруживают, что не хотят их на всю жизнь. На этой неделе привезли немецкую овчарку по кличке Лаки; к сожалению, на бирке с его именем не было адреса. Я бы хотела иметь возможность разыскать его владельцев и арестовать их. Пес был привязан к фонарному столбу, стоял под дождем, промокший до нитки, сильно истощенный, голодный, грязный, весь в блохах. Ветеринар сказал, что его раны – однозначно результат регулярных избиений в течение длительного времени. Имя не

принесло этой бедной собаке удачу, как и бумажный журавлик, которого Адам держит в своем бумажнике. Это просто суеверный вздор.¹⁵

– Не понимаю, почему ты все время такая сердитая, – наконец произносит он.

Его слова разозлили меня пуще прежнего.

– Я не *сердитая*! – возражаю я, хотя мой голос звучит именно так. – Я просто устала быть единственным, кто прилагает усилия в наших отношениях. Мы никогда не разговариваем! Это все равно что жить с соседом по дому, а не с мужем. Ты никогда не спрашиваешь о *моем* дне, или о *моей* работе, или о том, как *я* себя чувствую. Только «Что у нас на ужин?», или «Где моя синяя рубашка?», или «Ты не видела мои ключи?». Я не домохозяйка! У меня есть своя жизнь и своя работа! Ты заставляешь меня чувствовать себя абсолютно непривлекательной, нелюбимой, *невидимой* и...

Я редко кричу, но теперь не могу остановиться.

Адам, который в последнее время почти никогда не проявляет привязанности, словно позабыл, как это делается, вдруг ведет себя очень странно. Он обнимает меня.

– Прости, – шепчет муж, и, прежде чем я успеваю спросить, за что конкретно он извиняется, целует меня. Должным образом. Держа мое лицо в своих ладонях. Так мы целовались, когда только-только встретились, еще до того, как жизнь разлучила нас.

---

¹⁵ Лаки (*англ.* lucky) – удачливый, счастливый.

Я чувствую, как вспыхивают мои щеки, словно рядом незнакомец, а не собственный муж.

Я научилась ощущать вину, если делаю что-то в своих интересах. А чувство вины – одна из тех эмоций, которые редко можно просто взять и выключить. Порой мне кажется, что мне нужно выписаться из жизни так же, как другие люди выписываются из отелей. Подмахнуть бумаги, какие необходимо, вернуть ключи от нынешнего существования и найти что-нибудь новое. Где-нибудь в безопасном месте. Но, возможно, еще есть то, ради чего стоит остаться?

– Это был долгий день, думаю, мы оба просто немного устали, – продолжает Адам.

– Мы могли бы подняться наверх, найти спальню и лечь пораньше, – предлагаю я.

– Как насчет еще одного бокала вина перед сном?

– Хорошая идея. Я уберу тарелки и принесу бутылку.

Я не знаю, почему он оставил ее на кухне, если хотел еще, но не возражаю сходить за ней. Это самый интимный момент из всех, что случался между нами за последние месяцы. Музыка смолкла, и я слышу, как ветер свистит во всех трещинах и щелях, которые он может найти в стенах часовни. Каменный пол такой холодный, что, кажется, щиплет мои ступни сквозь носки. Я спешу вернуться в тепло гостиной, но что-то в витражах привлекает мое внимание. Приглядевшись, понимаю, что они действительно очень необычные. Здесь нет религиозных сцен, только череда разноцветных лиц.

Я застываю, когда одно из них начинает шевелиться.

И тогда я визжу, потому что белое лицо в окне – настоящее. Кто-то стоит снаружи и смотрит прямо на меня.

Адам

– Что случилось? – спрашиваю я, вбегая на кухню.

Я услышал, как что-то разбилось, прежде чем Амелия начала кричать, и теперь вижу, что она уронила бутылку красного вина. По всему каменному полу валяются осколки стекла, и я хватаю Боба за ошейник, чтобы он не наступил на них.

– Что случилось? Ты в порядке?

– Нет. Снаружи кто-то есть!

– Что? Где?

– Окно, – бормочет она, тыча пальцем.

Я подхожу к нему и вглядываюсь в темноту.

– Ничего не вижу...

– Наверное, они ушли. Убежали, как только я закричала, – предполагает она и начинает собирать осколки.

– Я выйду на улицу, посмотрю.

– Нет! Ты с ума сошел?! Мы в такой глуши, неизвестно, кто там может оказаться! Черт!

Она порезала палец об острый осколок бутылки, и от вида крови меня тошнит. Я могу писать о всевозможных ужасных вещах для экрана, но, когда дело доходит до реальной жизни, я слабак.

– Вот, – говорю я, протягивая ей чистый носовой платок.

Я обнимаю Амелию и привлекаю к себе, достаточно близко, чтобы почувствовать запах ее волос. Знакомый аромат

шампуня пробуждает воспоминания о более счастливых временах. Я не могу видеть, очаровательно ли лицо, но мне всегда казалось, что у меня есть чутье на внутреннюю красоту. Думая о той ночи, когда мы впервые встретились, я до сих пор могу вспомнить все до мельчайших подробностей, как я хотел, *нуждался* в том, чтобы узнать ее лучше. Я всегда доверял своей интуиции, когда дело касалось людей, и я редко ошибаюсь. Могу сказать, хорош человек или плох, в течение пары минут после встречи с ним, и время и жизнь, как правило, доказывают мою правоту. Почти всегда.

– Я уберу, – говорю я, отступаю и нахожу совок и щетку в первом же шкафу, который открываю.

– Как ты узнал, что все это находится там? – изумляется она, и я не сразу нахожусь, что ответить.

– Удачная догадка, полагаю. Ты в порядке? Тебе нужен твой ингалятор?

У Амелии астма, и порой самые странные вещи могут спровоцировать приступ. Однажды она несколько месяцев глазела на розовое пальто в витрине магазина. Откладывала деньги со своей зарплаты, чтобы накопить на него. Купила, надела один раз, а на следующий день его цену снизили до половины, и у нее буквально случился припадок. Амелия всегда считала копейки, хотя в этом больше не было необходимости.

– Я действительно хотела, чтобы этот уик-энд прошел идеально, – растерянно произносит она, словно вот-вот распла-

чется. – Но уже есть ощущение, что все идет не по плану...

– Слушай, это место немного жутковато, мы выпили по глотку вина, и оба устали. Как ты думаешь, может быть, тебе это померещилось?

– Нет! Мне не показалось! Там. Было. Лицо. В окне снаружи. И смотрело прямо на меня.

– Ладно, прости! – говорю я, выбрасывая осколки стекла в мусорное ведро. – Как оно выглядело?

– Как лицо!

– Мужчина? Женщина?

– Не знаю, все произошло слишком быстро... Я же сказала тебе: как только я закричала, оно исчезло.

– Может, это был таинственный человек, что приглядывает за домом? Экономка? – хмыкаю я, и Амелия пристально смотрит на меня, но не отвечает. – Что?

– Может, нам следует позвонить этой экономке и сказать, что кто-то слоняется снаружи?

– И как ты думаешь, что она предпримет? – саркастически интересуюсь я, но Амелия не слушает и уже ищет свой телефон.

– Ну отлично! – разочарованно произносит она, найдя его.

– Что, нет сигнала?

– Ни одной черточки.

Бобу, по-видимому, наскучил наш обмен репликами, он выходит из кухни и направляется по коридору к комнате для обуви. Мы замечаем, что он ушел, только когда он начинает

рычать на старые деревянные двери часовни, оскалив зубы и оцетинившись. Уже в третий раз с тех пор, как мы приехали, наш старый пес делает что-то совершенно ему несвойственное.

– Ну вот. Я выйду на улицу и все осматрю, – решаю я, натягивая пальто.

– Пожалуйста, не ходи туда, – шепчет Амелия, словно кто-то может нас услышать.

– Не глупи! – отвечаю я ей, прикрепляя поводок собаки к его ошейнику. – У меня для защиты есть Боб. Не так ли, мальчик?

Услышав свое имя, Боб перестает рычать и виляет хвостом.

– Боб – худшая сторожевая собака в мире, он боится перьев! – пылко возражает она.

– Да, но они-то этого не знают. Если там кто-то есть, я напугаю их, и мы сможем открыть еще одну бутылку вина.

Снег врывается внутрь, как только я открываю двери, и порыв холода выбивает воздух из моих легких. Боб приходит в неистовство, рычит, лает и натягивает поводок так сильно, что я с трудом удерживаю его. Вокруг чернота, и поначалу вообще трудно что-либо рассмотреть, но вскоре, взглядевшись в темноту, я с ужасом осознаю, почему собака так возбуждена. Прямо снаружи, не более чем в нескольких футах впереди, на нас смотрят несколько пар глаз.

Кожа

Слово года:

библиоклепт – существительное.

Человек, который крадет истории.

Книжный вор.

28 февраля 2011 года – наша третья годовщина

Дорогой Адам!

Я подозреваю, что большинство пар празднуют годовщины только вдвоем – возможно, заказав уединенный столик в особом ресторане, – но не мы с тобой. И не в этом году. Сегодняшний вечер мы провели с несколькими сотнями незнакомцев, и казалось, что все взгляды прикованы к нам.

До сих пор я не знала никого, кто ненавидел бы вечеринки так сильно, как ты, и все же в последнее время ты, кажется, ходишь на них постоянно. Не утверждаю, что ты асоциален, и понимаю, почему ты их так боишься. Собрания более чем из нескольких человек становятся проблемой, когда ты не способен узнать ни одного лица. Так что шикарная вечеринка кинематографистов на Тауэрском мосту с сотнями претенциозных людей, которые уверены, что ты знаешь, кто они, скорее похожа на прогулку с завязанными глазами по минному полю.

– Пожалуйста, проходите прямо, мистер Райт, – широко улыбаясь, промурлыкала стоявшая у двери женщина с планшетом.

Я наблюдала, как она тщательно проверяла имена других гостей в своем списке с цветовой кодировкой, но с тобой в

этом не было необходимости. Все теперь знают, кто ты: новичок, ставший своим. Те, кто пишет сценарии, чаще всего смеются последними. Никто из этих людей не удостоивал тебя и взглядом, когда тебе не везло, но благодаря фильму-блокбастеру – спасибо роману Генри Винтера – все они стремятся быть твоими лучшими друзьями. Пока.

Причина, по которой ты начал брать меня на большие вечеринки, мероприятия и церемонии награждения, заключалась в том, что я могла шепотом сообщить, кто те люди, которые подходят к нам, и тем самым избавить тебя от смущения, если ты не узнаешь того, кого должен был бы узнать. Не то что бы я возражала. Мне даже понравилось – в отличие от тебя. Это забавно – время от времени наряжаться, делать прическу и снова носить высокие каблуки. В таких вещах нет особой необходимости, когда ты целый день работаешь с собаками.

Теперь мы ведем светскую жизнь. Слушая в течение нескольких лет твои рассказы о продюсерах, директорах, режиссерах, актерах и авторах, я уже представляла себе их лица. А теперь знаю, как все они выглядят в реальной жизни, и мы проводим вечера, похожие на этот, общаясь с людьми из твоего мира. У меня с ними не слишком много общего, но мне достаточно легко говорить о книгах, фильмах и телевизионных драмах – все любят хорошую историю.

Я с нетерпением ждала возможности впервые побывать внутри Тауэрского моста, а обещанные бесплатное шампан-

ское и шикарные закуски, приготовленные шеф-поваром, отмеченным звездой Мишлен, по-прежнему доставляют мне огромное удовольствие. Но заметив имя Генри Винтера в списке гостей, я испугалась заходить внутрь. С этого момента стало очевидно, что настоящая причина, по которой мы проводим нашу годовщину с незнакомыми людьми, заключается в том, что ты надеялся наткнуться на Генри и убедить его дать тебе еще одну книгу. Ты уже дважды спрашивал его. Я говорила тебе, что не стоит просить, но ты всегда думаешь, что знаешь лучше, и не слушаешь. Писательство – это трудный способ зарабатывать на легкую жизнь.

Когда мы подошли, Тауэрский мост светился на фоне ночного лондонского неба. Мероприятие было в самом разгаре, глухие звуки музыки и смеха наверху соперничали с тихим плеском темной Темзы внизу. Как только лифт выплюнул нас на верхнем этаже, я сразу поняла, что вечер обещает быть интересным. Помещение оказалось меньше, чем я себе представляла: вот уж не думала, что это будет просто длинный коридор, битком набитый киношными персонажами! Мимо протиснулся официант, держа поднос с шампанским, и я с радостью разгрузила его на два бокала. Сделав на всякий случай в то утро тест на беременность, я знала, что нет никаких причин не пить. Я перестала ежемесячно сообщать тебе плохие новости, а ты перестал спрашивать.

– С годовщиной, – прошептал ты, и мы чокнулись бокалами, прежде чем ты сделал глоток.

Я уже осушила свой напополювину. Я нахожу, что алкоголь помогает заглушить мою социальную тревогу, которую я до сих пор каждый раз испытываю, посещая подобные мероприятия. Все здесь знают, кто ты. Единственные ожидания, которые ты все еще стараешься оправдать, – твои собственные. Но я никогда не чувствовала, что вписываюсь в этот круг, возможно, потому что так оно и есть. Я предпочитаю собак. Я пригубила еще, а после занялась тем, для чего была здесь – незаметно осмотрела комнату, мои глаза искали то, чего не могли видеть твои.

Сегодня утром мы обменялись подарками на очередную годовщину. Я вручила тебе кожаный портфель с твоими инициалами, тисненными золотом. Годами наблюдая, как ты таскаешь свои драгоценные рукописи в уродливых сумках, я предположила, что это уместный подарок. Ты преподнес мне пару кожаных ботфорт, на которые я давно засматривалась. Однако сомневалась, считая себя чересчур старой, чтобы носить их (ведь мне уже тридцать два!), но ты явно не согласился с моим мнением. Я надела их как раз сегодня и заметила, что в такси по дороге на вечеринку ты пялишься на мои ноги. Было приятно чувствовать себя желанной.

– Приближается, – прошептала я тебе на ухо, пока мы пробирались по забитому людьми коридору.

– Хороший, плохой или уродливый? – спросил ты.

– Плохой. Продюсер, которая в прошлом месяце хотела, чтобы ты работал над экранизацией криминального рома-

на... та, которая стала задирать нос, когда ты ей отказал. Лиза? Линда? Лиз?

– Лиззи Паркс?

– Да.

– Дерьмо. На каждой вечеринке есть тот, кто ее портит. Она еще не выглядит взбешенной? – уточнил ты.

– Очень даже.

– Она видела нас?

– Так точно.

– Черт. Эта женщина относится к писателям, как к фабрикам, а к их работе – как к банкам с печеными бобами. Книга, которую нужно было адаптировать, даже не ее. Она самый настоящий библиоклепт.

– Красный код.

– Лиззи, дорогая, как ты? Выглядишь чудесно! – произносишь ты тем голосом, каким разговариваешь только с маленькими детьми или претенциозными личностями. Я надеюсь, ты никогда не будешь общаться так со мной, и очень расстроюсь, если это случится.

Вы оба два раза чмокнули воздух, и я восхитилась тем, как ты делаешь то, что делаешь. Это как если бы у тебя был переключатель, которого мне явно не хватает. На вечеринках ты становишься другой версией себя, той, которую все любят: очаровательной, комплиментарной, умной, популярной, в центре внимания. Ничего похожего на застенчивого, тихого человека, которого знаю я и который каждый день ис-

чезает в своем новом, довольно милым домике для работы. Это напоминает представление. Я люблю все твои разнообразные версии, но предпочитаю моего Адама, настоящего, какого вижу только я.

– Приближается, – снова прошептала я, насладившись прекрасно приготовленным гребешком, в сочетании с гороховым пюре, поданным на миниатюрной ракушке и с крошечной серебряной ложечкой.

– Кто теперь? – спросил ты.

Я знала этого человека.

– Натан.

Я наблюдала, как ты пожимал ему руку, и слушала, как вы говорите о делах. Босс студии, принимающей вечеринку, – один из тех мужчин, которые всегда работают. Постоянно оглядываясь через свое или ваше плечо, чтобы увидеть, с кем еще он может или должен был бы поболтать. Это человек, который любил облагать налогом радость, всегда отнимая немного у кого-то другого, чтобы увеличить свою собственную. Ты представил меня, и я ощутила, что немного съеживаюсь под его пристальным взглядом.

– А чем вы занимаетесь? – полюбопытствовал он.

Это вопрос, который я ненавижу. Не из-за ответа, а из-за реакции на него других людей.

– Я работаю в «Приюте для собак Баттерси», – ответила я и изобразила на лице улыбку.

– О, черт возьми! Повезло вам.

Я решила не объяснять, почему мне не так уж и повезло, что слишком много людей жестоки или безответственны, когда дело касается животных. Я убедила себя, что лучше не обращать внимания на его снисходительный тон. Меня учили всегда быть вежливой: ты не сможешь перейти мост, если сожжешь его. К счастью, беседам и людям свойственно двигаться дальше, и мы наконец остались одни.

– Есть какие-нибудь признаки его присутствия? – прошептал ты.

Мне не нужно было уточнять, о ком ты говоришь.

– Боюсь, что нет. Мы могли бы попробовать на другой стороне?

Мы направились по второму коридору – крытому туннелю над знаменитым мостом, соединяющему одну башню с другой. Вид сверху на Темзу и освещенный Лондон был впечатляющим.

– Ну что, Генри здесь? – снова спросил ты и очень погрузился, когда я ответила отрицательно. Ты выглядел, словно подросток, которого бросила девушка его мечты.

Весь вечер вокруг нас стояла невидимая очередь людей, готовых наброситься на тебя, ожидая возможности поздороваться: продюсеры, которые хотели с тобой поработать, руководители, которые сожалели, что не были внимательны к тебе в прошлом, другие сценаристы, которые мечтали бы оказаться на твоём месте. Мои ноги начали болеть, так что я была рада, а также удивлена, когда ты предложил уйти по-

раньше.

Ты остановил черное такси и, как только мы оказались на заднем сиденье, поцеловал меня. Твоя рука нашла верх моих новых кожаных сапог, затем скользнула выше под платье. Как только мы вернулись домой, ты еще в коридоре начал стаскивать с меня одежду, пока на мне не остались только ботфорты. Секс на недавно отремонтированной лестнице был новым опытом. Я все еще чувствую запах лака.

Позже мы пили виски в постели, говорили о вечеринке и о тех людях, которых встретили сегодня вечером: хороших, плохих и уродливых.

– Ты все еще любишь меня так же сильно, как когда мы поженились? – спросила я.

– Практически всегда, – ответил ты с дерзкой ухмылкой, это одна из твоих любимых фраз. Ты выглядел таким красивым, что я смогла только рассмеяться.

Я тоже практически всегда люблю тебя. Но я не рассказала, что в течение вечера несколько раз видела Генри Винтера в его фирменном твидовом пиджаке и галстук-бабочке. На его лице, испещренном морщинами, застыла странная гримаса. Он выглядел старше, чем на своих официальных фотографиях. С густыми белыми волосами, голубыми глазами и чрезвычайно бледной кожей он немного походил на призрак.

Я не упомянула, что твой любимый автор неотрывно смотрел в нашу сторону, постоянно следуя за нами по всей вечеринке, отчаянно пытаясь привлечь твое внимание.

Три года – и так много секретов.

Есть ли вещи, которые ты скрываешь от меня?

Со всей любовью,

Твоя жена. ХХ

Амелия

Адам смеется, когда овцы за дверью часовни начинают блеять. Даже мне трудно удержаться от улыбки, пока он за-
таскивает обратно внутрь Боба, который все еще лает как сумасшедший.

Когда мы только увидели множество пар глаз, уставившихся на нас, это было похоже на сцену из фильма ужасов. Однако фонарик Адама вскоре прояснил, что единственным любопытным соседом, притаившимся за пределами часовни, является небольшое стадо овец, мимо которого мы проезжали на дороге чуть раньше. Они, вероятно, последовали за нами, надеясь, что кто-нибудь сможет их накормить. В темноте их тела сливались с толстым слоем белого снега, заметавшего окрестности с тех пор, как мы приехали. Так что единственным, что мы могли разглядеть, были их глаза.

– Однажды мы посмеемся над этим, – улыбается Адам, стягивая пальто.

У меня нет такой уверенности.

Я не снимаю куртку – мне холодно – и смотрю, как он запирает входную дверь огромным старым ключом. Не помню, чтобы видела его раньше. Но я так устала! Возможно, он был там все это время, а я просто не замечала. Я так долго планировала этот уикэнд, что не могла дождаться дня отъезда, практически насильно притащила мужа сюда – однако

теперь чувствую странную тоску по дому.

Адам – самопровозглашенный отшельник. Он счастливее всего в своем писательском домике со своими персонажами и так глубоко погружается в воображаемый мир, что порой с трудом находит дорогу назад. Клянусь, мы бы никогда никуда не поехали, если бы не я. Он гордится нашим жилищем; я тоже, но это не значит, что мы никогда не должны покидать его. Отдельно стоящий викторианский особняк с двойным фасадом в Хэмпстед-Виллидж находится далеко от муниципального дома, в котором он вырос, однако Адам никому не рассказывает об этой части своего прошлого. Он не просто переписывает собственную историю – он ее удаляет.

Я не всегда чувствую себя к месту в таком богатом уголке Лондона, а вот муж отлично вписывается, несмотря на то что бросил школу в шестнадцать лет, чтобы работать в кино. У него слишком много амбиций и слишком мало образования. Но все любят тех, кто упорно добивается успеха, а Адам никогда не научится сдаваться. Через две двери от нас живет театральный режиссер, справа – диктор новостей, а слева по соседству обитает актриса, номинированная на премию «Оскар». Пугает то, что меня все еще беспокоит, кого я могу встретить, пока выгуливаю собаку. В отличие от мужа, у меня мало общего с нашими сделавшими себя, успешными соседями. Не то чтобы я имела что-то против социальных альпинистов – я всегда считала, что чем выше ты забираешься в жизни, тем лучше вид открывается перед тобой. Но иногда

успех мужа заставляет чувствовать себя неудачницей. В наши дни Адам – словно настоящее дело, в то время как я все еще напоминаю первую попытку или незавершенную работу.

Затем он целует меня в лоб. Так нежно, как родитель целует ребенка на ночь, прежде чем выключить свет. В последнее время он слишком часто заставлял меня чувствовать, что я недостаточно хороша. Впрочем, вполне вероятно, я просто проецирую собственную неуверенность. Может быть, я ему все еще небезразлична.

– Не нужно смущаться, – говорит он, и я беспокоюсь, что, возможно, думала вслух.

– О чем?

– Что представила лицо в окне и разбила эту довольно неплохую бутылку вина.

Он улыбается мне, и я заставляю себя улыбнуться в ответ, пока он не произносит:

– Тебе просто нужно расслабиться.

Всякий раз, когда мой муж предлагает мне расслабиться, это имеет противоположный эффект. Я молчу о недавнем инциденте (он не воспринял бы всерьез, скажи я ему), вот только я не думаю, что лицо в окне мне померещилось. В отличие от него, я живу в реальности полный рабочий день. Я уверена в том, что видела... почти уверена и, кажется, не могу избавиться от ощущения, что за мной наблюдают.

Робин

Робин отступила от окна часовни, как только женщина внутри увидела ее, но было слишком поздно. Когда та начала кричать, Робин убежала.

В Блэкуотер очень давно никто не приезжал. Прошло больше года с тех пор, как она вообще видела здесь незнакомцев, не считая случайного туриста, заблудившегося, несмотря на все гаджеты и штуковины, которые в наши дни, кажется, все постоянно носят с собой. В долине всегда много оленей и овец. А людей нет. Это слишком захолустное и чересчур удаленное место для нашествия толпы любопытных, и даже местные жители знают, что нужно держаться от него подальше. С тех пор, как она себя помнит, озеро Блэкуотер и часовня рядом с ним имеют дурную репутацию.

К счастью, Робин любит находиться в собственной компании и не боится привидений. Живые всегда больше тревожили ее, вот почему она наблюдала за неожиданными гостями и их собакой с тех пор, как те прибыли.

Робин знала, что надвигается буря, поэтому была удивлена, когда эти люди проехали мимо ее маленького домика с соломенной крышей. Она и не представляла, что найдутся безумцы, которые в такую погоду поедут по прибрежной дороге или рискованным горным тропам. У нее нет телевизора, но по радио передали несколько предупреждений,

и не нужно быть метеорологом, чтобы выглянуть в окно. Уже несколько дней было пасмурно и очень холодно, как всегда случается перед снегопадом. Робин провела несколько лет своей жизни в высокогорье, поэтому знает, что шотландской погоде нельзя доверять, у нее свой ритм и нет никаких правил. Когда надвигается шторм, все местные жители находят время, чтобы подготовиться и принять необходимые меры предосторожности, зная по прошлому опыту, что вполне могут оказаться в трудной ситуации или запертыми на несколько дней в ловушке. Никто в здравом уме не приехал бы сюда в это время года. Если только они не *хотели* быть отрезанными от остального мира.

Робин наблюдала за происходящим из окна своего жилища, спрятавшись за самодельными занавесками, замороженная видом приближающегося автомобиля визитеров. Он был старомодным, мятно-зеленого цвета и выглядел так, словно ему место в музее, а не на дороге. То, что им удалось добраться до Блэкуотер, было не чем иным, как чудом или загадкой. Робин пока не могла дать этому точное определение.

Она смотрела, как они проехали по дорожке к часовне, прежде чем припарковаться в опасной близости от края озера. Снаружи была темень. Ветер усиливался, шел сильный снег, но посетители, казалось, не замечали опасности. Часовня находилась всего в нескольких минутах ходьбы от ее коттеджа, поэтому, держась на расстоянии, она последовала за ними, чтобы рассмотреть поближе.

Робин наблюдала, как они выходят из машины, и с удовольствием отметила, как большая черная собака выпрыгнула из багажника. Она всегда любила животных, однако овцы не лучший вариант, когда дело доходит до компании. Даже с расстояния в несколько метров ей показалось, что мужчина выглядит усталым и несчастным, хотя, с другой стороны, длительные путешествия, как правило, оказывают на людей именно такое воздействие, и эти двое выглядели соответственно. Робин стояла абсолютно неподвижно, когда пара и их собака, подойдя к старой часовне, обнаружили, что двери заперты и там нет никого, кто мог бы их встретить. Они оба казались такими замерзшим и побежденными... Нужно было их впустить.

Машину вела женщина, и Робин была восхищена ее обликом: модной одеждой, длинными светлыми волосами и искусно нанесенным макияжем. У Робин уже много лет не было ничего нового, она одевалась исключительно ради тепла и комфорта. В ее гардеробе все сшито из хлопка, шерсти или твида. Большую часть времени она носит униформу, состоящую из футболок с длинными рукавами и старого рабочего комбинезона, а также две пары вязаных носков, чтобы не мерзли ноги. Волосы Робин теперь длинные и седые, она сама их подстригает, когда они спутываются и начинают изрядно мешать. Ее розовые щеки – результат холодного ветра, а не румян, и даже ей самой трудно вспомнить время, когда она выглядела и жила иначе.

Робин видела, как гости заходят внутрь, затем обошла часовню и попыталась разглядеть их через витражи. Ей хотелось услышать, о чем они говорят, но ветер уносил их слова прочь от ее ушей. Многослойная одежда на ней оправдывала себя, тем не менее Робин ощущала холод. И любопытство. Несмотря на пыль, осевшую с тех пор, как здесь в последний раз кто-то жил, посетители вскоре, казалось, почувствовали себя как дома. Они зажгли свечи и огонь в камине, подогрели еду, выпили немного вина. Собака растянулась на ковре, и в какой-то момент пара почти взялась за руки. Со стороны это была довольно романтическая сцена. Но поверхностное впечатление может быть обманчиво, это всем известно.

И они совсем не казались *испуганными*.

Она задумалась, возможно ли, что причина в том, что их двое? Мир может казаться менее пугающим, когда вам не приходится сталкиваться с ним в одиночку. Но, с другой стороны, жизнь – это игра в выбор, а некоторые из решений Робин оказались неправильными. Теперь она может признаться в этом, пусть даже только самой себе, потому что больше и рассказать некому. Наблюдая, как пара в часовне начинает расслабляться, она подумала, что они тоже сделали неправильный выбор. И приезд сюда, вероятно, был первым в списке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.